

Александр Осипов

Игра чувств

История многоженца поневоле с неожиданным финалом

16+

Александр Осипов

Игра чувств

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Осипов А. В.

Игра чувств / А. В. Осипов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-5321-0818-9

Небольшой роман о любви: история многоженца поневоле от первого лица с неожиданным финалом. Детективная история прилагается. Эротические сцены можно пропустить.

ISBN 978-5-5321-0818-9

© Осипов А. В., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Любимой женщине Татьяне посвящается

Ириске я неожиданно для самого себя позвонил через четыре года после университета. Позвонил в пятницу. По пятницам я тогда обычно делал глупости...

Все рабочие дела пятницы, которые можно отложить на понедельник, я откладывал на понедельник. Всю энергию, которую можно было бы потратить на решение проблем, я тратил на то, чтобы отложить эти решения на пару дней.

Почему-то именно по пятницам я тогда звонил не тем женщинам. Я звонил женщинам из прошлого... Милым, приятным, даже желанным, даже когда-то любимым женщинам. Но из прошлого... Если им было нечем заняться, мы встречались. Я точно знал, что мы встречаемся не потому, что мы оба этого хотим. Просто сегодня у нас свободного времени больше, чем нужно, чтобы не сходить тихонько с ума в одиночестве.

По пятницам я тогда не звонил женщинам из будущего. Не звонил тем, с кем хотел бы поехать по городам и странам, тем, с кем я хотел бы родить мальчика или девочку, тем, с кем хотел бы состариться... Конечно же, они обо всем этом не знают, держат дистанцию, наверное, просто всего этого не хотят. Или хотят, но не со мной. Я не звонил им, потому что именно в пятницу я меньше всего хотел услышать короткие гудки в телефоне или дежурное «прости, сегодня не могу». В другой день я это пережил бы. Но в пятницу... В пятницу я жду звонка от них. Но они об этом, наверное, не знают. И не звонят. А я жду и жду. Когда чего очень сильно ждешь, то значит в твоей жизни что-то очень не в порядке.

Иногда по пятницам я шел в рестораны с женщинами, которых мне не хотелось, или пил пиво с мужиками, с которыми мне не о чем разговаривать. Но они об этом не догадывались, потому что я дежурно флиртовал с женщинами и артистично рассказывал пошлые анекдоты мужикам. Только по пятницам я почему-то напивался так, что на следующий день болела голова.

Еще по пятницам я от нечего делать ходил в казино и отчаянно проигрывал. Это значит, что проигрывал все, что было в кошельке. Потом я научился не брать с собой банковскую карточку и проигрывал вполне некатастрофичные суммы. В другие дни в казино я обычно выигрывал, но не по пятницам.

Только по пятницам я смотрел по телевизору фильмы, которые уже много раз видел или которые никогда бы не стал смотреть в любой другой день. Однажды я даже полчаса смотрел какой-то сериал, в котором кто-то постоянно смеялся за кадром. В другие дни меня этот смех безумно раздражает, но не по пятницам.

По пятницам я не мог читать.

По пятницам я не мог писать.

По пятницам я терял себя.

В такую пятницу я вдруг позвонил Ириске, и она сказала приветливо и коротко:

– Прилетай!

Через четыре часа я был уже в Москве.

– Ты знаешь, что на всей планете только ты называешь меня Ириской?

– Да?.. А как тебя зовут на самом деле?

– Все больше людей называют меня Ириной Владимировной.

С Ириской мы когда-то учились на одном курсе. За первые три года учебы мы сказали друг другу не больше двух десятков слов, если «привет» и «пока» не считать словами, что, скорее всего, вполне справедливо.

... Это случилось в стройотряде. В тот последний перед отъездом вечер все словно навстречивали что-то почти упущенное, но получалось только напиться до умопомрачения или заняться сексом. Напиваться ни мне, ни Ириске не хотелось.

Я подошел к Ириске и даже сумел поднять глаза и смотрел ей куда-то в переносицу:

– Именно сейчас и именно тебе я хочу рассказать анекдот про поручика Ржевского.

Я дал себе и Ириске сразу два шанса завязать разговор: если ей не интересен анекдот, то у меня еще оставалась надежда, что ее заинтересует, почему именно ей я хочу его рассказать.

– Этот анекдот пошлый или смешной?

– Он актуальный...

Ириска уже все понимала и потому колебалась. В те времена я уже знал, что, если женщина колеблется, значит, она уже согласилась.

– У поручика Ржевского как-то спросили, как ему удается пользоваться таким большим успехом у женщин. «Очень просто, – ответил Ржевский, – я подхожу к понравившейся мне женщине и говорю: «Имею честь предложить вам впендюрить». «Но позвольте, поручик, за такие слова можно и по морде получить». «Можно и по морде. Но чаще впендюрить!»

Мы занимались сексом в какой-то подсобке недолго и неромантично, даже не снимая трусы. Потом вместе пошли в столовку и все-таки напились.

На следующий день мы ни разу не встретились взглядами, улетели в Питер, разъехались по домам. Мы увиделись лишь через месяц. Я захотел смутиться ее взглядом, но у меня не получилось:

– Спасибо, что не упрекаешь меня за тот детский угловатый секс.

– У тебя еще будет шанс исправиться.

Следующую ночь мы провели вместе через два года, после выпускного вечера. Утром меня разбудила ее суета:

– Ты куда?

– Я замуж ненадолго. Ты дождешься?

Ириска никогда не ждала немедленных ответов на свои вопросы, и, возможно, именно это мне нравилось тогда в ней больше всего.

Через час она улетела в Москву.

– Я знала, что однажды ты мне позвонишь.

– Почему же ты ждала все эти годы и не позвонила сама?

– Если бы я позвонила сама, ты ответил бы мне неправильно.

Когда мы суетливо прощались в прихожей, Ириска сунула мне в карман ключ от квартиры:

– Просто, чтобы я могла быть непунктуальной и не страдать по этому поводу. Я буду знать, что ты ждешь меня дома, в тепле, и стану торопиться медленно, чтобы приехать как можно быстрее...

В этих простых словах я услышал вопрос только через несколько лет. Оказывается, часто вопросы произносятся совсем без вопросительной интонации. Ириска приезжала ко мне довольно часто, и во мне всегда хватало желания и возможности быть рядом с ней почти все время ее пребывания в Питере. Но однажды у меня была запарка на работе, и она прождала на вокзале больше часа.

– Здесь нет тепла, – сказала Ириска без упрека.

Только после этого, будто опомнившись, я отдал Ириске дубликаты ключей от своей квартиры.

– Я была готова ждать эти ключи еще год или два... Но не больше!

– И что было бы потом?

– А потом просто сама взяла бы твои ключи, – улыбнулась Ириска.

В Москву по делам я летал часто, почти каждую неделю. Еще пару раз в месяц я должен был наведываться в какой-нибудь из городов-миллионников. Раз в полгода бывал на Дальнем Востоке. Я всегда любил летать, и даже бизнес-класс на «Боинге» считал полетом. Детское пренебрежение к большим самолетам во мне бродило в начале моего увлечения легкой авиацией. Тогда только пилотирование на старенькой «Сесне» над дачными поселками я считал настоящим полетом. В «Боинге», конечно, такую близость неба не почувствуешь. В «Боинге» я не летел, а зависал. Ровный гул моторов, остановившиеся облака, земля под тобой словно детальная прорисованная карта, физическое ощущение смены часовых поясов... После пары глотков коньяка я не думал, не спал, не чувствовал, не мечтал... Я зависал!

Улетать из Питера я любил, потому что почти всегда улетал из промозглой полумглы к солнцу. Самолет прорывался сквозь перину облаков, укутывающую весь город и его окрестности, и солнце всегда радостно приветствовало, как казалось, именно меня. Это было разновидностью свидания. На это самолетное свидание солнце всегда приходило по-разному: то солнечным зайчиком, то дивным отблеском, то всей полнотой своего диска, требуя смиренно склонить голову и прикрыть глаза перед своей ослепительной красотой.

После философского факультета я много лет с удовольствием продавал крымские вина, занимал хорошо оплачиваемую должность в крупной компании, но, видимо, образование было настолько хорошим, что я постоянно задавал почти посторонним людям философские вопросы:

– Сколько человек ты превратил в алкоголиков за сегодняшний день?

Сеня, директор нашего московского филиала, даже не пытался задуматься. Я к этому не приноравливался – я провоцировал:

– Чем ты отличаешься от старика из деревне Убожье, которого вчера осудили на год условно за продажу самогонки?

Сеня скривил рожу, и я понял, что ответов не дождусь.

– Ты отличаешься только тем, что немного поделился с государством прибылью от спаивания народа, – ответил я за него.

Сегодня Сеня со мной не спорил. Спорить ему было тупо лень.

Наш московский филиал томился от безделья и своего смешного статуса филиала. Здесь работало раз в пять больше людей, чем в головном офисе в Петербурге, здесь был главный оптовый склад и восемьдесят процентов клиентов, были заметно выше зарплаты и дороже машины сотрудников. Томление это было ленивым и незлобным. Над вывеской со словом «филиал» посмеивались, пахать в полях по регионам не ездили, потому что на развитие москвичи милостиво не претендовали. Но зато охотно и хлебосольно принимали клиентов в Москве, и порой мне казалось, что и нас, сотрудников головного офиса, они считали лишь разновидностью клиентов.

– У вас договоры почти со всеми крупными магазинами Москвы. Но только в половину из них вы поставляете крымские вина, – я попытался заставить Сеню работать.

– Не доставай меня. Ко мне чуть ли не каждый день приезжают такие же наглые продакт-менеджеры с одним и тем же идиотским вопросом – почему их вина только в половине магазинов? Понятия не имею. И знать не хочу. Мы план выполняем. Мы каждый год даем рост. И меня больше ничего не парит.

– У тебя растет мелкий опт. Это значит, что мелкие оптовики тянут этот товар от тебя в регионы и там конкурируют с нашими официальными дилерами, портят им весь бизнес. А розницей в Москве ты не занимаешься.

– Уволь меня! Не можешь? Тогда не доставай меня. А то вдруг неожиданно сам захочешь уволиться.

Я посмотрел на него строго, но без злобы:

– Поехали в какой-нибудь ресторанчик: накорми меня вкусно за корпоративный счет.

В ресторане на десерт я заказал ветку винограда:

– Посмотри на этот ящичек вина. Каждая виноградина – это очень маленькая бутылочка. Нет, точнее ее можно назвать капсулой. А внутри каждой такой капсулы вино, от которого человек с воображением может даже захмелеть. Виноград – это вино в капсулах!

– Почему ты возишься со мной? – Сене казалось, что я развлекаю его. – Мы же почти враги...

– Только враги говорят правду. Любимые и друзья всегда в плену придуманных ими обязательств, и потому бесконечно лгут. Им кажется, что ложь дает какую-то отсрочку, и появляется время все изменить и поправить. Но врать так просто, а менять так сложно, что потом ничего не меняется и на место одной лжи просто приходит другая, еще более нелепая.

– Так могут говорить только люди, у которых нет друзей и любимых.

Сеня допил коньяк, сел за руль своего «Лексуса» и поехал обратно в офис, как обычно оставив меня свободным посреди бесконечно спешащей Москвы. Когда я смотрю в этом городе из окна автомобиля на проносящиеся мимо дома, мне постоянно кажется, что даже многоэтажки здесь куда-то суетливо торопятся.

После встречи с Ириской я не стал приезжать в Москву чаще. И даже дольше бывать не стал, потому что и раньше постоянно оставался там на выходные дни. Просто перестал заказывать гостиницу и проматывать деньги в казино.

С Ириской мы всегда удачно ходили по театрам, в кино, за покупками, по ресторанчикам... Но приятнее всего с Ириской было скучать. Валяться в кровати половину выходного дня, есть в постели, читать в постели, смотреть телевизор в постели... Иногда для разнообразия заниматься сексом, чтобы заполнить паузу в перерыве футбольного матча. Часто мы просто слушали музыку в неторопливом молчании.

Я прилетал к ней всегда, когда мне хотелось побыть одному, но не в одиночестве.

Ириска очень быстро поняла, как радовать меня и, что еще важнее, не раздражать. Я сам удивился тому, как это, оказывается, на самом деле просто. Настаивала на чем-то Ириска очень редко и делала это бережно, будто протирала антикварное стекло: чуть надавит, отступит, посмотрит на свет не повредила ли что-нибудь, снова плавно проведет шелковой тряпочкой по тому же месте, и будет довольна любым результатом.

Готовила Ириска редко, но только мои самые любимые блюда – жареную картошку и блинчики. Я всегда радостно удивлялся тому, что к моменту моего отъезда почти вся моя одежда была выстирана и выглажена.

Она очень быстро поняла, как меня поцеловать, как приласкать, как прикоснуться, и, нащупав эти кнопки на моем теле, нажимала на них нежно, не требуя взамен ответной щедрости, если я не был к этому готов. Заводилась она быстро, иногда всего лишь от прикосновения к груди, и также быстро выключалась, когда казалось, что кончились силы, засыпала, подетски посапывая.

Мы несколько раз ездили на курорты в Грецию и Турцию, но быстро поняли, что валяться в кровати можно и у себя дома, и не надо для этого тратить силы и деньги. Когда вдруг я не мог вырваться в Москву, Ириска сама приезжала на поезде в Питер, я встречал ее рано утром на вокзале, мы медленно ехали по притихшему еще не проснувшемуся городу, и это было особенные дни – очень длинные, насыщенные моим вниманием к дорогой гостье, ее хлопотами, чтобы привести мое холостяцкое жилище в относительно уютное состояние, чтобы насытиться друг другом за пропущенные недели в прошлом и на возможную разлуку в будущем...

Ириска невымученно находила в себе интерес к моим незамысловатым способам занять себя. Она ложилась ко мне под бок, когда я смотрел футбол, и в сотый раз с неподдельным

недоумением расспрашивала что же все-таки такое «вне игры» и почему нельзя отказаться от этого дурацкого, потому что ей непонятного, правила. Потом она со вниманием выслушивала мои воспоминания о самых ярких футбольных матчах, и, даже если я повторялся и ловил себя на этом, успокаивала:

– Ты говори-говори, мне интересно...

Так люди в длинной толстой очереди окликают друг друга, чтобы не потеряться.

Мы почти не говорили друг с другом о работе, о знакомых, которые не были нашими общими знакомыми, о ценах и деньгах... Иногда мне кажется, что деньги – это еще более деликатная тема, чем секс. Быт постоянно стремился залезть в наше общение, но у него это никогда не получалось, и потому я считал Ирису лучшей собеседницей даже тогда, когда она молчала. Наша жизнь в часто неубранной квартире все равно напоминала вечеринку с музыкой, вином, беседой, в которой постоянно возникало ненавязчивое желание понравиться друг другу. Желание непонятное, потому что мы и так знали, что нас ждет постель, но от этого желание не переставало быть настолько милым, что мы постоянно забывали, во сколько нам вставать на следующий день.

Мы много пили разные вина. Иногда по две, а то и по три бутылки в день. Конечно, перепробовали все крымские вина, которые я продавал или думал о том, стоит ли браться за их продажу. А потом еще десятки других вин со всего мира, чтобы сравнить их с крымскими.

– Бокал настоящего вина всегда поднимает настроение. Я продаю не жидкости в бутылках, а одну из самых ценных эмоций – радость. У людей всегда будет хорошее настроение, если они будут пить только качественные вина и будут знать об этом.

Ириска подтрунивала надо мной:

– Разве ты не понял еще, что количество проданного товара почти никогда не зависит от его качества?

Про вина я мог говорить часами. Я давно понял, что чем больше знаешь о вине, тем оно вкуснее, и потому рассказывал о вине, словно добавлял в хорошее блюдо изысканные пряности.

– Смаковать хорошее вино – это все равно, что вслушиваться в музыку в профессиональном исполнении. Начинаешь слышать каждый инструмент и акцент, а потом то, как инструмент ведет свою мелодию или просто помогает другому инструменту делать это, – я крутанул вино, и оно заплакало длинными густыми слезами по стенкам бокала. – Это вино настолько густое, что кажется только таким головокружительным движением я не позволяю ему превратиться в желе. Эти движения будят запах вина. Теперь ты можешь вдохнуть его. Редкие духи имеют такой изысканный аромат!

Ириска старательно морщила опущенный в бокал нос.

– И только теперь можно сделать первый глоток. Но только осторожнее, чем первый поцелуй, чтобы не распугать вкус...

– Глаза закрывать? Когда я в первый раз целуюсь с женщиной, я всегда закрываю глаза.

– Закрывай...

– Мой первый поцелуй всегда в засос.

Я никогда не слышал как Ириска смеялась, но поводы для улыбок она придумывала постоянно. С ней всегда было не то чтобы очень весело, словно ты внутри юмористического концерта, а ненавязчиво развлекательно.

– В засос будешь пить пиво, а первый глоток вина должен быть небольшой, будто ты на секунду стала птичкой.

– Кем стала?

– Птичкой...

Мне уже самому было смешно от дурацкого сравнения.

– Вороной или сорокой?

– Лучше калибри: они молчат, когда опыляют цветки. Вылей первый глоток себе на язык... Пусть вино покатается по языку... На самом кончике языка ты почувствуешь сладкие нотки, на боковых стенках – кислые, ближе к центру – соленые, а дальше – горькие... Почувствуй вкусы и его нюансы по отдельности, а потом перемешай их на языке. «Пожуй» вино, чтобы лучше его посмаковать... Сейчас вино во рту чуть нагревается, и отдает все новые ароматы. Попытайся вдохнуть ртом воздух и как бы продуть его через вино. А теперь попробуй запомнить вкус, и тогда в твоём сознании ароматы сложатся в единую гамму...

– А когда глотать? А то мне кажется, что я уже высосала из этого глотка весь вкус и во рту осталось только какая-то невзрачная водоподобная жидкость... Может, ее просто выплюнуть? Может, именно так, – выплевывая, – и надо пить вино? Я случайно не сделала открытие в дегустации вин?

– Если будешь издеваться, то я в вино подсыплю тебе яда!

– Лучше убивай меня долго, каждой каплей вина...

– Тогда можешь глотать. И не спеши тащить в рот всякую гадость, даже если это деликатесы. Почувствуй послевкусие...

– Я давно все проглотила – как иначе я могла бы с тобой разговаривать?! У меня уже через пару секунд во рту слюны было больше, чем вина, и, если бы я его не проглотила, то считала бы, что вино надо обязательно разбавлять слюной или даже желудочным соком.

Хотя более неблагодарного дегустатора было сложно себе представить, однажды я все-таки подарил Ириске бокалы для разных видов вина.

– Конструкторы бокалов рассчитали их форму таким образом, чтобы направить поток вина на правильные "вкусовые зоны". Вот эти широкие открытые бокалы для красного бургундского и розового вин заставляют наклонить голову, а бокалы с узким горлом для рислинга, шампанского, хереса, наоборот, вынуждают голову запрокидывать и вливать вино. Здесь спроектирована точка первого контакта вина с языком, что гарантирует наиболее полное и точное представление о вкусе.

– А при проектировании учитывалась длина моего языка? Мне вот это вино упорно не нравится. Может, оно не в ту точку языка попадает? Может, чтобы это вино мне понравилось, мне надо язык чуть подрезать?

– Думаю, язык тебе точно надо подрезать, но по другой причине...

Ириска улыбалась во всю ширину открытого бокала.

– В аромате вина важно почувствовать две линии: плодовую, идущую от виноградной ягоды, и танинную, пряную, которая происходит от кожицы винограда и дубовой бочки, – учил я ее жить.

– Я чувствую еще третью линию – привкус средства для мытья посуды! Кому-то кажется, что чем больше он бабахнет этого средства в бокал, тем чище он станет!

Я поперхнулся следующим глотком и отправился перемывать бокалы.

– Запомни, что сложные вина нужно оттенять простой едой, – с Ириской меня часто посещал менторский тон, но я даже не думал его избегать, подбрасывая Ириске очередной повод для ее незлобивой иронии и самоиронии.

Ириска согласна кивнула, сделала пару глотков массандровского муската и зачерпнула большой ложкой горку обожаемого ею салата с креветками. Я недовольно покачал головой:

– Сейчас лучше просто съесть кусочек сыра.

– Мускат – это сложное вино или салат с креветками – это сложная закуска?

– Пойми, чтобы насладиться именно вкусом вина, то в принципе не надо налегать на еду.

А если хочешь есть, то легкое столовое вино должно стать только фоном.

– С тобой я непременно стану толстой алкоголичкой!

Однажды она задумчиво спросила:

– Чем больше знаешь про вино – тем оно вкуснее: это я уже поняла. С человеком также?

– С хорошим человеком – так же...

Хотя Ириска внимательно слушала мои нотации о том, как лучше пить вина, и была на самом деле не прочь погурманствовать, она регулярно забывала переливать заблаговременно вино в графин, покупать нужные сорта сыра, а иногда даже не охлаждала заранее белое вино до нужной температуры, что ставило под реальную угрозу кулинарную ценность предстоящего ужина. Но у нее всегда находилась для меня улыбка в ответ на любые звуки моего ворчания, и эта улыбка действовала как хорошее чистящее средство на запекшуюся грязь. Ее неприхотливое невнимание почему-то никогда не воспринималось мною как личное оскорбление. Как-то я купил соковыжималку, чтобы каждое утро мы пили апельсиновый сок, но, если вдруг в доме не оказывалось апельсинов, то Ириска в удивлении по этому поводу лишь смешно пожимала плечами и выпячивала губки. На следующий день я покупал несколько килограмм апельсинов: так ее невнимание превращалось в мою заботу, что всегда ее радовало, и она делилась со мной полученной от меня радостью щедро и безрассудно.

Однажды она разбила один из винных бокалов, которые я привез для нас с Конгресса виноделов. Бокалы были дорогие, но их главная ценность была во внешней хрупкости и почти невидимости. Издалека казалось, что вино вовсе не в бокалах, а словно зависло в воздухе, и даже легкое дыхание отправит это винное облако в путь. Я привез их не столько как особый подарок Ириске, а просто потому, что в этот момент в ее доме не было бокалов, достойных тех вин, которые я приносил. Ириске дорожила бокалами как-то особенно трогательно для меня: всегда придерживала, когда я наливал в него вино, и никогда не ставила в раковину вместе с другой немытой посудой. Возможно, было это потому, что бокалы воспринимались не как ее или мои – они были нашими, общими... А так как общих вещей у нас с Ириской на тот момент больше не было, то бокалы приобретали для нее уникальность и даже значимость. Потом я стал замечать, что некоторые мои вещи тоже постепенно становились общими... Сначала Ириска стала ходить в моих майках, потом стала носить мою джинсовую куртку, а потом вдруг похудела и стала залезать в мои джинсы.

– Если бы у тебя росла щетина, то ты уже наверняка давно бы пользовалась моей бритвой.

– Возможно, – хитро улыбалась Ириска. Так женщины говорят «да», когда сказать просто «да» для них невозможно, потому что это «да» тогда раскрыло бы их очередную страшную тайну.

И вот однажды она чуть задела бокал, тот хлопнулся на бок, и ножка откололась! Я понял это по быстрому всхлипыванию Ириски на кухне. Такой звук возмущения и досады мог возникнуть только в том случае, если бы Ириска порезалась или разбила наш бокал... Я сразу прибежал на кухню, посмотрел на обескровленные руки Ириске, и понял, что одному из бокалов не повезло.

– Я куплю новые.

– Не надо, – всхлипнула Ириска.

– Это просто кусочек стекла. Он не достоин того, чтобы ты плакала, – я быстро выбросил бокал и ножку в мусорное ведро.

– Зачем ты это сделал?! – Ириска рванулась к ведру и достала оттуда расчлененный на две части бокал. – Я придумала из этого бокала вазочку.

С тех пор мы пили из одного бокала. Из оставшегося... Наливали в него вино и пили по очереди... В этом оказались свои плюсы: мне казалось, что теперь не столь очевидным будет кто сколько выпил, и мои глотки стали больше обычного. Но Ириске это было все равно. И даже после того, как в доме появилось несколько наборов бокалов, мы часто по-прежнему продолжали пить из того первого и единственного.

Однажды я заметил, что по возможности стал приезжать в аэропорты к началу регистрации, чтобы непременно получить в самолете место возле иллюминатора. Заметил я это почти

случайно, когда в каком-то маленьком аэропорту не оказалось свободных кресел, и мне пришлось на ногах больше часа ждать начала посадки. Но я продолжал теперь уже сознательно приезжать к началу регистрации, чтобы потом по-детски упереться лбом в стекло, и в полете смотреть на бесконечные облака с редкими размывами. В эти небесные полыньи хотелось всматриваться или просто нырнуть в них в надежде почувствовать что-то новое или понять то, о чем не удавалось даже всерьез задуматься там, на земле... В полете мне думалось обо всем и думалось легко, словно смотришь на все проблемы как будто бы с другой планеты.

Однажды в таком полете я вдруг обратил свое внимание на то, что больше не влюбляюсь. Вот как начал встречаться с Ириской, так и перестал хотеть внимания других женщин, в том числе и секса с ними как одной из форм их внимания ко мне. Я перестал приглашать в кафешки женщин, в которых хотел влюбиться или мне казалось, что я уже влюбился в них. Я перестал приглашать женщин в кино, потому что знал, что посмотрю новые фильмы с Ириской в кинотеатре или скачаю из Интернета и посмотрю их в постели, но именно с Ириской. Возможность как бы случайно прикоснуться к пока еще почти незнакомой женщине в темноте кинотеатра не просто потеряла для меня свое очарование, а стала казаться подростковой непростительной глупостью. Я даже пропустил пару корпоративных вечеринок, к которым раньше эмоционально готовился заранее, настраиваясь на какое-нибудь незамысловатое разочаровывающее любовное приключение. Я перестал дарить шоколадки секретарше директора Верочке, в длинные ноги которой были влюблены даже самые верные женатики нашей фирмы. На Восьмое марта я не подарил цветы симпатичной директорше одного из ресторанов, внимания которой мне всегда хотелось утомительно сильно.

Всматриваясь с десятикилометровой высоты в пустоту неба, я устало понял, почти не думая, что любовь – это всегда неприятности. Влюбленность всегда приносила мне больше разочарований и сомнений, чем радости и нежности. Мне уже не хотелось тепла нового чувства, потому что я знал, что горечь расставания будет сильнее и продолжительнее. Я замечал, что стремлюсь к новой встрече скорее по инерции и с праздным любопытством, чем с надеждой полюбить так, чтобы именно с этой женщиной умереть в один день. И в тоже время каждое расставание было более и сложнее, потому что к досаде стали примешиваться сомнения в собственной привлекательности и успешности. Я все чаще мерил себя критериями женщин, которые мне отказывали, и мне это не нравилось, но я уже где-то потерял другие измерительные линейки и почему-то не хотел их искать.

Я хочу лететь к Ириске именно потому, что уверен, что не влюблен в нее. Она – давно знакомая до родственности. С ней развлекаешься, словно сам участвуешь в любимом телесериале. А, может, я уже настолько взрослый, что мне вообще больше не надо никаких чувств?! Пусть будут только положительные эмоции! С Ириской никогда не возникало даже легкой тени негатива. Только немного взаимного равнодушия как неприятный гарнир типа картофельного пюре или рассыпчатого риса, на фоне которого основное блюдо вкуснее и красивее. Мне нравится даже то, что Ириска не звонит мне по несколько дней, и я не звоню ей, чтобы все накопившееся отдать ей при встрече. Я много думал про Ириску только тогда, когда летел в Москву. В другое время я, бывало, по несколько дней вообще не вспоминал про нее, и это меня не удивляло, не огорчало и даже, возможно, радовало, потому что меня искренне не интересовало, с кем и как проводила Ириска свое время в мое отсутствие.

Я помог Ириске купить почти всю домашнюю технику.

– У меня к тебе все вопросы личные, даже об устройстве холодильника, – любила повторять Ириска.

Она даже записывала какие-то аргументы в пользу выбора той или иной марки стиральной машины или телевизора.

– Однажды мне придется покупать это все без тебя, но теперь я к этому готова, – говорила Ириска.

Тень расставания всегда следовала рядом с нами, словно в нашей жизни не было полудня, когда тени исчезают. Я всегда прислушивался к интонации, с которой Ириска говорила о нашей будущей разлуке, словно готовился к ней, стараясь в ее голосе услышать будущие слова, которые она произнесет в тот момент, когда кто-то из нас начнет другую жизнь. Она говорила о расставании как старые бабушки говорят о смерти – как о чем-то неминуемом, но светлом... Когда нужно будет подвести итоги перед кем-то, кто выше нас, а потом пойти непременно в рай, и провозжание будет слезным, но небезутешным. Эта ее и моя внутренняя готовность непременно расстаться, но сделать это легко, словно вздохнуть, сближала нас непонятным мне образом. Иногда мне казалось, что все, что мы делали, сближало нас. И особенно прощания... Они всегда были одинаковые, уходил ли я на несколько часов, дней или недель. Она почему-то никогда не целовала меня на прощание, не провожала, не проверяла не забыл ли я что-нибудь. Она просто смотрела мне в глаза легко и просто – именно так она смотрела каждый раз, когда встречала меня... И поэтому мы всегда расставались будто на несколько минут.

Давно мне не было так спокойно и комфортно приземляться, как в том полете.

Я научил Ириску водить машину и даже более того – научил ее получать удовольствие от вождения.

– Вокруг тебя за рулем сидят идиоты! Это твоя философия жизни за рулем!

Ириска еще крепче, до белизны кончиков пальцев, вцепилась в руль как за спасательный круг.

– Не напрягайся так... Раз ты это знаешь, то тебе уже безопаснее в этом мире... Теперь ты эмоционально готова к тому, что на тебя будут наваливаться со своих полосы машина и справа, и слева. Что передняя машина может вдруг резко затормозить. Что задняя машина может агрессивно пойдти на обгон. Что соседняя машина может замигать левым поворотником и повернуть направо. Это – нормально! А раз это нормально, то, значит, у тебя нет повода нервничать, просто будь готова притормозить или ускориться.

Через неделю мы выбрались из тихих улочек на центральные московские магистрали.

– На сколько метров вперед ты видишь?

– Я вижу машину перед собой.

– Хороший водитель видит машину перед собой и еще на три, пять, десять машин вперед. Там уже горит красный свет, а ты все зачем-то ускоряешься. С этой полосы поворот только налево, а нам туда не надо, а ты еще и не думаешь перестраиваться. Заглядывай вперед, в свое близкое будущее. Это всегда интересно и полезно!

На одном из широких перекрестков Ириска выехала на мигающий зеленый цвет и оказалась зажата между встречными потоками машин. Только ленивый нам не посигналил, а водитель «Мерседеса», который уперся в нас, как в закрытые посреди чистого поля ворота, открыл окно и долго, пока для нас снова не загорелся зеленый свет и не схлынул поток машин, учил нас жизни.

– Спасибо, что не закричал на меня... Все девчонки говорили мне, что на них за рулем всегда кричат, даже учителя в автошколе, которым они платят деньги. И их мужчины тоже кричат, даже если это не их машина. И другие водители тем более кричат. А ты не кричал...

Через неделю Ириска встретила меня в аэропорту.

– Хочу показать, что могу уже улыбаться за рулем! И моя улыбка не будет гримасой!

– Ты действительно спокойна за рулем.

– Я знаю, что ты передал много знаний. Если бы ты просто сидел рядом и не кричал, я была бы тебе благодарна не меньше. Я сама всему научилась бы. Знания – это просто. Не кричать – это сложнее...

Больше в аэропорту Ириска меня не встречала.

В Веронику я влюбился сразу, будто споткнулся и не захотел ловить равновесие. Она работала в небольшом рекламном агентстве, пришла к нам на переговоры вместе со своим шефом, смотрела на все с любопытством и улыбалась чуть чаще, чем требовало содержание разговора. В ее зеленые глаза были будто вставлены маленькие фонарики, хотя, конечно же, я это себе просто придумал.

У Вероники были длинные ноги, длинные волосы, длинные пальцы... Казалось, что у нее растут даже ресницы...

– Глядя на вашу помощницу, я все-таки не могу понять – вы возглавляете рекламное или модельное агентство? – выдавил я из себя комплимент.

Вероника улыбнулась снова, и почему-то мне показалось, что она улыбается не моим словам, а мне.

Я наобещал больше, чем мог позволить мой рекламный бюджет, но зато уже после первой же встречи у меня был ее номер сотового телефона, адрес электронной почты и надуманная потребность обсудить множество деталей предстоящего сотрудничества.

На следующий день я пригласил ее поужинать. Вероника отказалась вежливо, но без надежды пригласить ее снова:

– Извините, но по вечерам я не работаю.

Я в одиночестве напился текилы впервые за пять лет.

Протрезвев, я сразу уселся за переговоры с самим собой на самом высоком уровне. Сначала я сел перед зеркалом, но сразу понял, что это слишком театрально. Сел за стол, поставил перед собой стакан воды на случай, если вдруг пересохнет в горле... Но этого было явно недостаточно для того, чтобы сосредоточиться на себе самом. Я попытался вспомнить, как это делается, но быстро понял, что не хочу вспоминать то, чего не было. Раньше я обычно разговаривал с собой, будто отмахивался, мол, отстань, не до тебя сейчас, своих проблем хватает. Зачем пристал? Что тебе надо? Скучно – займи себя сексуальными фантазиями... Совсем скучно – напейся или сходи прокричаться летом на футбольный матч, зимой – на хоккейный. Понимал, конечно, что от самого себя отмахиваюсь, но тот, от кого я отмахивался, уходил всегда, кроме пятниц, быстро, не прощаясь, не наследив... И я был уверен, что отмахнуться – это и есть решение.

Почему же так получилось, что я думал о себе сосредоточенно и умно так редко, всего несколько раз за всю жизнь? После школы я минут десять думал о том, куда поступать – на философский факультет или психологический. Когда умер папа, я ненадолго задумался о том, что значит быть самым старшим мужчиной в небольшой и недружной семье. Однажды думал о том, что секс сближает мужчину с женщиной гораздо меньше, чем женщину с мужчиной, и потом встал, оделся, побрился, поцеловал еще спящую подругу в попу и уже больше не возвращался к ней. Вот, пожалуй, и все мои попытки подумать о себе. Остальные мысли приходили ко мне готовым к употреблению пониманием. Еще в университете я понял, что нужен другим людям только в здоровом и обеспеченном виде, и поэтому сознательно не курил, каждую неделю играл в теннис и больше зарабатывал деньги, чем думал о том, зачем они мне на самом деле нужны. Прочитав пушкинскую фразу о том, что сладостное внимание женщин – почти единственная цель наших усилий, я с облегчением понял, что моя зависимость от женского внимания – это норма, а не болезнь. И про Ириску я на самом деле никогда не думал, а просто с момента первого секса понимал, что мне с ней хорошо и удобно.

Я много тысяч часов размышлял о том, как лучше организовать продажу крымских вин по всей стране. О футболе я рассуждал почти вслух даже тогда, когда рядом не было никого, кто мог бы поспорить со мной. Жизнь друзей мы всегда с другими друзьями анализировали настолько глубоко, что знакомым женщинам казалось, что мы умеем сплетничать лучше них. Я никогда не сомневался в том, что я умею думать! Меня этому учили много лет на философ-

ском. Я недавно классически умно купил себе машину: собрал всю информацию о спортивных купе, сравнил доступные модели, побывал на нескольких тест-драйвах, добился минимально возможной цены... Я действительно умею думать, но почему-то о себе как-то не думается. Эмоции перебивают... Честности не хватает... Не удается убрать из мышления фон из каких-то непонятных условностей и никому ненужных обязательств... Еще я заметил, что большая часть нашей энергии почему-то постоянно расходуется на то, чтобы скрывать от самих себя все, что мы знаем о себе. И думать о своих чувствах – это совсем иное, чем думать об абстракциях и железках. О чувствах надо уметь думать как-то по-особенному, и в университете меня этому почему-то не учили.

Я вдруг понял, что почти ничего не знаю о своих чувствах. Дружить со своими немногими мыслями мне всегда было проще, чем со своими тощими чувствами. Я лишь знал, что появляющиеся мысли у меня почему-то всегда убивают чувства, но почему-то не в этот раз. Я всегда знал, что есть чувства, которых во мне нет и, скорее всего, никогда не будет. Например, во мне нет веры. Веры в себя, веры в своего еще не родившегося ребенка, вера в близкого человека – нет этих вер у меня. Но разве это делает меня ущербны? Это пустое пространство безверия не заполняется какими-то другими чувствами-монстрами, потому что пустого пространства не возникает. Вместо «я верю» я говорю «не знаю». Мне легко жить со своим «не знаю». Я не комплекую по поводу своего незнания. Я не ставлю себе двойки за свое незнание. Я вовсе не уверен, что хочу все знать. Я переживу без веры в человечество и уж тем более в непонятных мне Богов, которые давно превратились почти в Дедов морозов, о которых мы вспоминаем в ожидании подарков и забываем, когда играем в свои земные игры...

Я думал обо всем этом, словно смотрел в колодец, не узнавая свое отражение в глубине. И, внутренне пошатнувшись, осторожно попробовал подумать о Веронике, будто вступил в холодную реку в жаркий день.

Проще всего было ответить на вопрос, действительно ли я хочу Веронику? Да, я ее хотел, причем всю целиком, даже в одежде. Я мог раздеть ее взглядом, но не пытался, потому что даже в одежде она была для меня сексуальнее всех женщин, с которыми мне доводилось оказываться в постели. Я хотел, чтобы именно со мной она ездила на переговоры, а не с тем хмырем-начальником. Просто поужинать с ней мне показалось вершиной блаженства, и я удивился такой целомудренности своего возбуждения чрезвычайной степени.

Чуть сложнее оказалось понять, что же мне делать дальше? Раньше я обычно обращал серьезное внимание только на тех женщин, которым хотя бы немного нравился. Впервые мне предстояло сокращать дистанцию с женщиной, которая ко мне, в лучшем случае, равнодушна. Да, я понял, что стало целью на ближайшее время – сокращать дистанцию! От миллиона парсек до проникновения...

Зазвенел телефон... Просто кто-то ошибся номером. Кажется возникшая внутренняя концентрация разбилась на множество брызг, как дешевое стекло. Я выпил приготовленную воду и поехал на теннис.

Я летел в самолете, будто в пустоте, и чувствовал, что слова, ситуации, даже жажда не проникают сейчас в меня...

Насколько далека сейчас от меня Вероника? Наверное, на расстоянии сотни световых лет. Как звезда? Нет, все-таки ближе. Звезда – это лишь блик на ночном небе, как Синди Кроуфорд. До звезды даже долететь невозможно, не изобрели еще такие космические корабли. Хотя ведь кто-то спит с этой Синди, и кому-то она истрепала все нервы... Не отвлекайся, пусть об этом думают астрономы. Пусть для начала Вероника станет Луной. Луна красивая... Когда Луна бывает полной, на ней даже без бинокля можно разглядеть кратеры и моря. Ее даже днем иногда видно. Там уже были люди, я знаю. Кто будет следующим? Почему не я?

С первой встречи Вероника управляет мной без всяких на то усилий, причин и смысла... Так Луна управляет океанами, создавая приливы и отливы. Луна своим притяжением притягивает и отпускает воду. Думаю, даже ученые на самом деле не понимают того, как и зачем это происходит. Налей воду из-под крана и попробуй чем-нибудь ее притянуть – не получится, нет на Земле таких магнитов. Вот и Вероника притягивает меня вопреки моему желанию и здравому смыслу, который напоминает, что у меня есть свобода, покой, регулярный секс и никаких видимых причин отказываться от этого. Здравый смысл действительно успокаивает, пока я не думаю о Веронике, но о Веронике теперь я думаю всегда. Оказывается, жить вопреки здравому смыслу – это нормально. Я с неотвратимой неохотой начинал примиряться с тем, что теперь мне часто придется признавать нормальным то, что до этого считал абсурдным и для себя неприемлемым.

...Самолет стал разворачиваться на посадку, и солнце ворвалось в мой иллюминатор. Не люблю теперь Солнце – теперь хочу Луну.

К Ириске я приехал с большим букетом роз.

– Ты впервые за столько лет подарил мне цветы, – она смотрела на меня серьезно, но не подозрительно. – Мы настолько близки, что это исключает возможность романтических отношений. Что-то случилось?

– Просто хотел тебя удивить... И вдруг понял, что самый простой способ удивить – это меняться самому без предварительных условий.

Весь вечер мне хотелось задавать Ириске вопросы. Хотелось до такой степени, что я даже изменил своей давнишней привычке задавать женщине вопросы таким образом, чтобы подсказывать ей правильный ответ.

– Что лучше: полюбить или влюбиться?

– Лучше одновременно, – Ириска откликнулась быстро и откуда-то изнутри, будто мне отвечала вся мировая женская скорбь.

– Так не бывает.

– Бывает... Бывает у всех... Просто не все замечают этого.

Я лежал на коленях Ириски. Она теребила мои волосы.

– Почему люди так редко думают о счастье и любви? – мне почему-то казалось, что Ириска знает все ответы уже только потому, что она – женщина.

– И правильно делают! Уметь чувствовать важнее, чем уметь думать.

Я не понимал ответы и впервые не чувствовал себя при этом глупым.

Я смотрел в иллюминатор и думал о том, что с самолета моя уже случившаяся жизнь видна четко как на карте, без зашелушившихся деталей. Думал о том, что даже на огромной самолетной скорости я никогда не смогу заглянуть за горизонт, в будущее. Думал, что раньше каждый раз, когда я хотел изменить свою жизнь, то в итоге лишь удваивал прежнюю, и потому на самом деле ничего не менялось.

Сначала мне сильнее всего хотелось надеть глупостей. Узнать домашний адрес Вероники, и утром постучать в ее окно, и не важно, на каком этаже это окно будет, и подарить ей сто одну розу. Или купить кольцо с бриллиантом не меньше, чем карат, прийти к Веронике на работу и на глазах у всех упасть на колени, и позвать ее в жены, и пусть будет то, что будет...

На пороге ювелирного магазина я понял, почему люди время от времени должны делать глупости. Каждый должен иногда предаваться милым безрассудствам для того, что в действительно важный момент жизни вспомнить, что даже милая глупость все равно прежде всего глупость и только потом милая. Я пообещал самому себе как-нибудь во время матча «Зенита»

выбежать на футбольное поле, и поехал домой, чтобы запереть себя в квартирную оболочку как в кандалы.

Не с действий надо начинать... И даже не с мысли... И даже не с чувств и эмоций, потому что чувств и эмоций и так настолько много, что я уже неминуемо начинаю привыкать жить с цунами внутри себя, потому что человек ко всему, оказывается, привыкает, если еще жив.

Я долго думал о том, что совпадение чувств двух людей по отношению друг к другу – это большая редкость. Надо уметь жить не только в согласии со своими чувствами, но и в мире с чувствами других. Надо уметь жить даже в тех случаях, когда чувства друг к другу не совпадают. Может быть, такое несовпадение как раз и привлекает? Может, только из несовпадения и возникает та искра, из которой потом только и могут появиться новые общие чувства?

Мыслей становилось все больше... Мысли были все умнее... Чем больше становилось мыслей и чем они были умнее, тем сильнее путались и лишали размышления всякого практического смысла.

После третьей рюмки текилы я вдруг понял, что мне необходимо. Мне нужен правильный настрой! Я, конечно же, еще не понимал, что такое настрой и в чем должна заключаться его правильность, но сразу стало спокойнее и резко расхотелось пить. Я думал о том, что мне нужен своеобразный камертон пусть не для чувств, а хотя бы для мыслей и поступков, чтобы не срываться на текилу каждый раз после не услышанных слов. Чтобы не делать глупостей... Чтобы хватало сил смотреть на Веронику и при этом не терялась способность думать... Чтобы становиться лучше, потому что только другой «я», более яркий и тонкий, может по-настоящему ее зацепить. Все это звучало во мне как наглая молитва, которая временами становилась ультимативным требованием вдохновения у неведомого Всевышнего. В этом я почувствовал какую-то новую силу, и удивился своей еще неумелой, но уже явной способности мыслями прикасаться к чувствам и даже, пусть пока и неумело, менять их цвет и форму.

Разгружать когда-то вагоны мне было легче, чем сейчас думать о себе. Мне по жизни все давалось легко – учеба, деньги, первый секс... Но в жизни людей, видимо, всегда случаются моменты, когда их сила становится беспомощностью, и они висают между распирающим желанием и невозможностью понять как дальше жить.

Я на балконе выкурил до фильтра жестокую, дерущую горло сигарету, и пошел спать с надеждой во сне найти подсказки на неведомом, но уже нестрашном пути.

Я проснулся с уверенностью, что знаю ответы на еще незадаанные вопросы. Но быстро понял, что это не столь нужный мне психологический настрой, а всего лишь нормальная эйфория здорового и неглупого человека. Просто своеобразная утренняя интеллектуальная эрекция, которая проходит сама собой после чашки кофе, планирования своего дня и последующего реалистичного понимания, что исключительно от самого себя мало что зависит.

Всю дорогу до работы я искал свой настрой, как выпавшую из глаза линзу: я что-то вроде бы и видел одним глазом, но все равно искал на ощупь, будто совсем слепой.

Конечно же, я, прежде всего, решил настраиваться на победу. Это было мне знакомо по теннисным матчам. Я настраивался на победу каждый раз, когда начинал проигрывать, и делал это так же, как теннисисты в телевизионных трансляциях: гримасничал, бросал ракетку о корт и даже матерился... Проку от такого настроя было немного, и, видимо, поэтому я чаще проигрывал, чем выигрывал, но это меня почему-то ничуть не расстраивало. Я быстро понял, что не хочу ничего выигрывать у Вероники. Скорее, наоборот, я хочу проиграть ей нечто самое важное, и потом отжаться на милость победительнице. Считать жизнь разновидностью спорта мне всегда казалось примитивным подходом. Это все равно, что из реальной жизни залезть в телевизор. Я скорее предчувствовал, чем знал, что имеет смысл побеждать только самого себя, да и то только очень редко, чтобы не возненавидеть себя за это.

Потом я вспомнил, что умею терпеть. Я настраивался на терпение каждый раз, когда садился за учебник английского или когда нужно было окучивать картошку на даче. Я знаю, что смогу из непонятной атмосферы набраться терпения словно воздуха, и ждать, будто под водой, удачный момент, чтобы сказать Веронике заранее придуманную фразу... Или чтобы однажды случайно встретить ее в суе Пitera, искренне этому удивиться и заразить ее своим удивлением... Или чтобы терпеливо начать забывать Веронику и, однажды захлебнувшись, понять, что это невозможно...

Я долго думал о том, какой мужчина может понравиться Веронике. Весельчак? Я могу настроиться на веселость! Я сумею каждый день запоминать по десять новых анекдотов, возьму несколько уроков актерского мастерства и буду рассказывать так смешно, что у нее тушь потечет от смеха. Или, может, ей больше всего нравятся мужественные романтики? Я, кстати, давно собирался научиться играть на гитаре, и знакомство с Вероникой может стать отличной возможностью исполнить давнишние планы. А еще я буду ходить в горы, возьму Веронику с собой на Эльбрус и вот там, возле костра, когда я буду петь под гитару что-нибудь про рассвет или закат, она увидит меня в новом свете и тогда... Меня клинило каждый раз, когда я подбирался к этому «тогда», и кто-то внутри меня подсказывал, что такие слишком конкретные мечты категорически не сбываются.

Я продолжал искать внутри себя ответы или хотя бы подсказки. Заглядывал в себя и удивлялся тому, что есть куда заглядывать. Что, оказывается, за тридцать лет моей жизни внутри меня выросло столько противоречивых мыслей и эмоций, что в них можно заблудиться... И вот я блуждаю, но я все-таки настолько уже сильный, что уверен: нужную дорогу я скоро найду. Это погружение в себя было настолько новым и интересным для меня, что уже только за него я был благодарен Веронике настолько, что хотелось позвонить ей и долго говорить ей «спасибо» просто за то, что она когда-то родилась и однажды зачем-то посмотрела на меня.

Ответ пришел ко мне неожиданно, как гол в собственные ворота. Мне нужно настроиться на игру! Как в теннисе, когда играешь не на счет! В такой игре не бывает победителя и побежденного. Есть только удовольствие от движения... Восторг от замысловатой траектории посланного тобою мяча... В ту минуту я был уверен, что четко подрезанный мяч для меня важнее выигранного гейма. А выманить другого игрока к сетке и обвести его высокой свечой – за это я готов отдать сет! Игры придуманы для того, чтобы в них играть, а не выигрывать. Победа – это только миг... Дорога к победе – это и есть жизнь!

Накатывающее ощущение легкой почти наркотической эйфории недвусмысленно подсказывало мне, что этот ответ правильный. Свое общение с Вероникой мне надо превратить в занимательную игру. Я должен играть с ней как когда-то играл в рулетку во все дни, кроме пятниц. Не придавать слишком большого значения результату, чтобы не сковывать себя. Баловаться, чтобы получать удовольствие от процесса. Просто развлекаться, чтобы, проиграв, не жалеть о потраченном времени, деньгах, эмоциях...

Настроение улучшалось, и мысли теперь выстраивались ровно, словно солдаты в парадном строю.

Мужчина обычно начинают ухаживать именно за женщинами, которые их не хотят. Эта еще час назад кощунственная мысль становилась одним из условий игры и уже воспринималась нормально, как правила подкидного дурака! Хороших девушек почти всегда предстоит отбивать у идиотов, которые их не ценят. Сначала женщина к тебе равнодушна. В лучшем случае, вежлива. Это нормально! Это как карты, которые ты получаешь при первой раздаче – там редко бывают только козыри. На твои звонки женщины, которые просто еще не успели тебя оценить, отвечают через раз и от свидания отказываются. Не из вредности, просто в этот день нет настроения, а ты пока его еще не создаешь. Моя задача – сделать так, чтобы Вероника меня захотела! Я должен интеллектуально грамотно разбить ее сердце!

Я вдруг почувствовал себя настолько хорошо, что был готов к еще более амбициозным целям. Это будет особенная игра! Я не играю против Вероники, и потому на самом деле вовсе не хочу ее побеждать. Затащить красивую женщину в постель – это банальность для ловеласов прошлых веков. На самом деле, мы с Вероникой играем вместе, в одной команде, просто она об этом пока не знает. И если сейчас об этом узнает, то не поймет. Я буду учить ее своей игре и делать вместе с ней шаги к выигрышу. Это должна быть наша общая игра против скучного и банального человечества, чтобы она поняла, догадалась, почувствовала, в конце концов, что счастливой она будет только со мной...

Весь день я жил с уверенностью, что, если я возьму за основу именно такой настрой, то буду готов к битве, которая вообще-то происходит каждый день каждого из нас.

Когда случилась игра, все стало значительно проще и складывалось в понятную систему.

Начать, конечно, надо с внешности. Я тут же взял тупые офисные ножницы, и кривовато, но коротко обстриг себе ногти: теперь у грязи нет ни малейшего шанса попасть под них. Завтра я куплю новые ботинки и схожу в парикмахерскую. Не для Вероники – просто давно собирался. Хотя на самом деле, конечно же, для нее! Я должен вписываться в ее представление о прекрасном.

У меня есть адрес ее электронной почты. Это также много, как тридцать лет назад знать номер домашнего телефона, а век назад знать фамилию владельца дома. Этим надо воспользоваться. Просто напиши ей письмо, на которое она не сможет не ответить. Отнесись к этому с беззаботной безрассудностью ребенка, который всю жизнь проводит в играх в уверенности, что он может только выиграть, и никогда не проиграет, потому что ему нечего проигрывать. Сейчас у меня нет ничего, что связывало бы меня с Вероникой, и поэтому я ничем не рискую.

На сайте рекламного агентства, в котором работала Вероника, я увидел несколько ее фотографий, сразу скопировал их, всматривался в них фанатично, словно хотел, чтобы фотографии ожили, и я оказался среди тех, кому так приветливо улыбалась эта стройная красивая женщина. Переключиться на какие-то конструктивные действия было сложно: кажется, вот так и смотрел бы в ее очаровательное лицо весь этот день, неделю, год... Нет, не впадай в транс! От эмоций люди глупеют, а мой ум – мой единственный шанс!

Я открыл почтовую программу и стал сочинять первое письмо. Во-первых, надо попробовать все-таки перейти на «ты». Это станет преодолением первого миллиона километров между нами. Во-вторых, понятно, что только какие-то знаки внимания могут заставить женщину не послать меня нафиг далеко и надолго. Но знаки внимания должны быть изюмистые, банальное «ты такая красивая» только оттолкнет... Комплименты – это самая надежная валюта в начале игры на соблазнение, хотя и фальшива насквозь. Итак, надо Веронику за что-то похвалить и сразу потребовать за это право обращаться на «ты». И сделать это спокойно, без придыхания, будто мы сто лет знакомы, и это письмо не первое, а, как минимум, сто двадцать пятое, просто часть привычного общения:

«Посмотрел сайт Твоего агентства. Весь день люблю Твоими фотографиями с пресс-конференции...»

Многоточие – это хорошо... Намекает на многозначительность, но не навязывает ее. Но как-то суховато...

«Зеленый костюм Ты подбирала под цвет своих глаз?»

Уже гораздо лучше! Теперь она знает, что я обратил внимание на цвет ее глаз (или линз, это уже не важно), а для многих женщин глаза – это единственная интимная часть ее тела, которую она не должна скрывать одеждой. Я польстил ее вкусу в одежде. И теперь в письме появился вопрос. Вопрос оправдывает сам факт появления моего письма, и она, как девушка воспитанная, не сможет не ответить на него, ведь это будет просто невежливо.

Я кликнул «отправить», и пошел по офису, срочно придумывая, чем себя занять на ближайшие минуты или часы, только бы не пялиться тупо в экран монитора в ожидании ее ответа. Я точно знал, что за компьютером ничего не смогу делать пока не получу ее письмо. Сколько может продлиться ожидание? Пять минут? Десять? Если она сейчас не в офисе, то, может, и до конца дня... А вдруг она вообще не ответит? Нет, мы – их потенциальные клиенты, на грубость молчания она не решится по служебным соображениям. Да, я использую свою должность в деле соблазнения красивой женщины, и, если потребуется, я потрачу весь рекламный бюджет своей конторы, чтобы провести хотя бы вечер наедине с Вероникой...

Компьютер мяукнул, извещая о новом письме... Не от нее... Я пошел по офису по второму кругу... Когда я вернулся, ее ответ уже ждал меня.

«Почему Вы обращаетесь ко мне на «ты»?»

Я улыбнулся, потому что знал, что делать: сейчас самое важное – удачно пошутить, и эта шутка была заранее приготовлена! Мое следующее письмо должно снять напряжение и продемонстрирует мое обаяние:

«Я обращаюсь на «Ты» с большой буквы! Разве Ты не слышишь этого в моем голосе?!»

Ответ Вероники пришел уже через минуту:

«Тебе действительно понравились фотографии?»

Я резко выдохнул, словно только что выиграл первый гейм у соперника, который значительно лучше меня играет в теннис. Мы перешли на «ты» – это значит, что я лечу к Луне все быстрее! Внимание к ее зеленым глазам оценено, хотя об этом не сказано ни слова, и Вероника очевидно хочет еще знаков внимания! Луна стала поворачиваться своей еще незримой мне стороной!

Первые письма должны быть короткими. Это почти дежурный разговор в курилке, в котором вместо звуков буквы на мониторе... Не напрягай ее... Не вспугни как птичку в лесу...

«Фотографии – нет. Женщина на них – очень»))»

Ответ был почти мгновенным:

«Спасибо за комплимент»))»

Она уже ждет моих писем!.. Смайлики в женских письмах – это, конечно, эмоция стандартная, нельзя ей придавать большого значения, а вот их отсутствие означает, как правило, безразличие или слишком серьезное отношение к написанному. Теперь надо написать какой-нибудь афоризм. А еще лучше придумать его. Лучше пусть будет два афоризма, чтобы подчеркнуть, что афористичность – это не случайность, а стиль моего общения.

«Я не говорю комплименты. Комплимент – это, как минимум, преувеличение и, как максимум, вранье. Я говорю только правду, чтобы не напрягать память и потом не путаться в показаниях. Когда ты искренен, ты ничем не рискуешь...»

Последнюю фразу я написал, потом стер, потом долго думал о том, сам ли я ее придумал или уже слышал где-то и сейчас вдруг вспомнил... Потом думал о том, что не согласен с ней, но сразу понял, что для переписки мое несогласие не имеет никакого значения. Фраза эффектная, и, если Вероника обратит на ее внимание, у меня будет время подумать над ее смыслом. В переписке не требуется мгновенной реакции, как во время разговора, и это позволяло мне быть очевидно умнее, чем я был на самом деле, и этим надо было пользоваться. Еще раз перечитал и отправил письмо.

«А в жизни я еще лучше :))»

Как же все-таки женщинам, даже красивым, не хватает незамысловатого внимания! И этим тоже надо обязательно воспользоваться:

«Очень притягательно, когда в женщине есть собственный интересный мир, в который хочется войти (с ее, конечно, разрешения). Это гораздо познавательнее, чем тянуть кого-то в свой мир – никакой новизны».

Я, честно говоря, не был уверен, что в Веронике есть глубокий внутренний мир. В красивых женщинах это большая редкость. Но я ведь имею право писать все, что угодно, потому что это только игра, причем игра по моим правилам. В конце концов, моего мира хватит на нас двоих. И долго крутиться вокруг внешности Вероники – значит быть банальным и становиться в самый конец длинной очереди дежурных поклонников ее внешности.

«Мысль взрослого зрелого мужчины».

Я зацепил ее! В письме не было смайликов и даже восклицательного знака. Это сказано всерьез! Теперь важно сделать вид, что я этого не заметил! Просто я на самом деле такой крутой, детка!

«Не говорю за эту фразу «спасибо». Просто так оно и есть на самом деле».

Я отправил это письмо и сразу пожалел об этом. Самое дурацкое письмо, которое только можно было написать! Хотя бы смайлики поставил, тогда можно было бы выдать эти слова за неудачную шутку. Самовлюбленный кретин! Расслабился после ее первой же человеческой фразы! Надо оставаться полностью сосредоточенным на игре, когда она не получается, и тем более, когда чувствуешь, что только что приблизился к цели на шаг или на еще один миллион километров. Сейчас она пошлет меня подальше или вообще не ответит, и будет права...

Ответ Вероники задерживался... Я нервничал...

«Про свою скромность я могу говорить часами. Я смотрю, что скромность и твой конек :))))»

Кажется, пронесло... Просто у нее сегодня настолько хорошее настроение, что она готова принять за шутку даже те слова, которые шуткой не являются. Сейчас надо написать что-нибудь по-серьезнее:

«Достоевский где-то написал о том, что понимание жизни, которое двадцатилетним женщинам дается природой, мужчины получают только к сорока годам вместе с первой седьмой, рубцами на сердце, тысячей прочитанных книг, заплатив десятками терзаний, поражений и т.д. Когда я прочитал эти строки в двадцать – я не поверил. Теперь приходится все чаще с этим соглашаться».

Я был не слишком занудлив? Зато показал свою образованность. И тонко польстил внутреннему миру двадцатилетних женщин.

«Я боюсь предположить, во сколько лет узнает мужчина то, что женщина знает в сорок))».

А она веселая! Хватит ли у меня остроумия? В переписке хватит. А при встрече? Не думай об этом! Сосредоточься, а то опять сморозишь глупость...

«Пойду спрошу у Достоевского...»

Ее быстрый ответ снова повеселил меня:

«Ой, не надо! Туда, где он сейчас, тебе еще рано))»

Вероника нравилась мне все больше, хотя еще минуту назад казалось, куда уж еще больше...

Прежде, чем я придумал следующее письмо, Вероника написала, что убегает с работы по делам и что ждет моих сообщений завтра. Вечер дня я пребывал с редким для себя ощущением, что день прожит не зря.

Второй день я решил начать с простого *«Доброго утра!»*. Словно мы лежим в постели, глаза еще смотрят какой-то сон и не хотят открываться, но я уже ощущаю ее тепло рядом, тянусь губами к первому попавшемуся кусочку ее тела, чтобы поцелуй стал частью этого *«Доброго утра!»* Мне почему-то никто, кроме мамы, не говорит эти обычные домашние слова. На работе я слышу только дежурное «привет». А в постели со мной вообще никто никогда и никак не здоровается. Мне, оказывается, так не хватает этого *«Доброго утра!»*

Интересно, мне свою вдруг нахлынувшую сентиментальность убить сразу и полностью или чуть-чуть оставить, чтобы разбавить ею создаваемый мною образ умного, но не занудного, состоявшегося мужчины?! Пожалуй, чуть-чуть оставлю... Она примет мою ситуационную сентиментальность за романтичность. Даже красивым девушкам романтика нравится.

Ответ от Вероники был быстрым и неожиданным.

«Ты по утрам пьешь кофе или кофе с молоком?»

Я почти физически почувствовал, что преодолел еще десяток миллионов километров до Вероники. Она задала мне первый вопрос обо мне! Эта ее первая капля интереса ко мне! Хотя, скорее всего, все дело лишь в том, что она сама для себя сейчас не может решить: добавлять ли ей молоко в кофе или нет? Но интерес, как первый робкий росток, возник... Появилось то, что теперь необходимо хранить, холить и лелеять. И я знаю, что для этого важно делать – для этого надо удержаться от соблазна броситься рассказывать о себе! Я ведь не ищу отчаянно слушательницу для своих речей. Лишь слабые потерянные люди ограниченного ума и контакта с людьми стремятся излить душу всякому, кто неосторожно обратил на них внимание. В ответе достаточно несколько скупых, но ярких фраз о себе. Потом у меня будет вся жизнь трепаться о том, что интересно мне. А пока надо использовать ее внимание ко мне как право самому задавать ей личные вопросы. Надо заставить ее рассказывать о себе. Надо убедить ее, что я заинтересован ее миром, и это будет непросто сделать даже при условии, что я действительно в нем заинтересован. Нужно попытаться понять интересы всей ее жизни... Потом интересы этого года, этой недели, сегодняшнего утра... Надо набрать как можно больше деталей: какие цветы она любит, какую кухню предпочитает, какие фильмы смотрит, коллекционирует она туфли или какую-нибудь другую ерунду типа ювелирных украшений... Надо попробовать создать атмосферу, будто мы единственные люди во Вселенной... По крайней мере, единственные, кто понимает друг друга... Вопросы должны быть очень личные, но без тени извиняющего тона... И надо умудриться даже льстить ей без тени заискивания!

«Я люблю неразбавленные вкусы. Неразбавленный кофе. Неразбавленное вино. Неразбавленную жизнь...»

О себе я написал неплохо. Теперь важно задать особенный вопрос... Вроде бы обычный... Немного сложный... Чуть-чуть фривольный... Тогда лучше задать три вопроса:

«Что тебе снилось сегодня? Сны были цветные? Ты летаешь во сне?»

Я откинулся на спинку кресла с пониманием, что в эту минуту ничего лучше этих банальностей придумать не смог бы. Увы, я был на максимуме! Но я ведь стараюсь, и мне будет не в чем себя упрекнуть, даже если ничего не получится.

«Как ты узнал, что сегодня мне действительно снились сны?! Мне очень редко что-то снится... Но сегодня во сне я опять о чем-то спорила с мамой!

Ты спишь на боку или на спине?»

Мне сегодня очевидно везло... Я угадал с вопросом про сон... Как-нибудь потом надо будет попробовать угадать ее мысли: когда я буду знать побольше деталей, это может оказаться не так уж и сложно. Она пока не утруждает себя придумываем вопросов, просто чуть переинтерпретирует мои, но сейчас это не главное. Главное, что мы начинаем задавать друг другу встречные вопросы. Словно мы играем в одной команде и отдаем друг другу точные пасы. Из этого может получиться забавный диалог...

«Когда я сплю один, я засыпаю на животе. Просыпаюсь на боку. Что я делаю с момента, когда заснул, до момента, когда проснулся, я не знаю – я же ведь сплю!))» Может, я в это время по крышам хожу?! Не знаю точно, но допускаю. Когда я засыпаю с женщиной, то ложусь на бок и кладу ей руку на живот... Так мы одновременно и засыпаем».

Я не поспешил с появлением посторонней женщины в нашем едва завязывающемся разговоре? Думаю, что нет, не поспешил... Надо ей сразу дать понять, что не собираюсь пресмыкаться перед ней! Что, возможно, дома меня ждет гарем красоток, и я просто ищу небольшое

дополнение к нему... Что я самодостаточный и сексуально удовлетворенный мужчина, который общается не ради ее милостивого и благосклонного смайлика в письме, а как победитель, который нашел наконец-то достойного для себя собеседника и который не собирается ограничиваться перепиской. Надо это подчеркнуть еще и вопросом:

«Зачем женщины носят красивое и дорогое белье? Ведь его все равно не видно...»

Вероника ответила еще откровеннее, чем я ожидал:

«Потому что женщина, когда она в чулках (как я сегодня) и в красивом нижнем белье, чувствует себя внутренне готовой к приключениям, даже если ей эти приключения не нужны. Поэтому ее поведение меняется, она становится более раскрепощенной и интересной для мужчин. Вообще, тебе этого не понять»))

А ты любишь танцевать? Или ты больше петь любишь?»

Эти вопросы – приглашение на дискотеку или в караоке-бар? Нет, рано еще в вопросах искать разрешение на поступки...

«Петь я не люблю, а танцы уважаю. Танец человечество придумало специально для того, чтобы у мужчины появился социально разрешенный повод обнять понравившуюся женщину, почувствовать ее аромат, почти случайно коснуться губами...»

Ты любишь быструю езду?»

Надо чередовать вопросы общие с вопросами личными, чтобы личные вопросы не показались неudelикатными. И надо не забывать про детали! Через несколько минут я узнаю, стоит ли мне гнать по кольцевой со скоростью за двести километров в час, когда рядом будет сидеть Вероника...

«Очень люблю быстро ездить! Я вообще очень азартна, меня в казино нельзя одну отпускать – проиграю все! Ну или разорю казино»))

Любишь ли ты мыть посуду?»

Очень хорошая возможность рассказать о второстепенных недостатках, чтобы создать иллюзию, что я не хочу ей понравиться:

«Ненавижу мыть посуду. Я ее всегда мою ДО еды, а не ПОСЛЕ».

Вот теперь можно и немного стратегически похвалить себя:

«Еще в школе мыть посуду было моей семейной обязанностью: мама готовит, а я мою посуду. Должен заметить, что я честно все мыл и не скулил при этом. Я могу делать то, что мне не нравится, когда понимаю, зачем я это делаю...»

А теперь можно задать и провокационный вопрос:

«Трудно ли быть красивой?»

Ответ Вероники меня поразил:

«Красивой быть не трудно, но очень ответственно! Свести с ума человека – это же значит сделать его больным! И кто же будет его лечить? Его сначала надо вылечить, и только потом отпускать... Это и есть ответственность!»

Ты что закончил? Чему тебя там учили?»

Меньше всего я ожидал прочитать про ответственность в письме избалованной красотки (потому что красотки не бывают неизбалованными). Хотя ответственность в ее понимании все равно какая-то эгоистичная... Ладно, подумаю об этом позже, когда буду вечером перечитывать переписку. Обязательно буду перечитывать. Это мое домашнее задание. Это важно, чтобы запомнить настроение, подробности, понять удачные ходы и не сработавшие приемы... Эта переписка не на один день... А пока надо срочно писать ответ – нельзя терять ритм, который должен вовлекать, обволакивать, приближать...

«Я закончил философский факультет университета. И учили меня только одному – быть умным. Нет, еще меня научили зачем-то стрелять из пушки, у нас была артиллерийская военная кафедра.»

Может ли существовать дружба между мужчиной и женщиной?»

Если она ответит «да», я уже знаю, какими аргументами я буду с ней спорить...

«Нет, дружбы между мужчиной и женщиной не существует. Все равно так или иначе подоплека понятна... Если люди симпатичны друг другу, то, когда они окажутся в постели, зависит только от эмоциональной обстановки и количества алкоголя»)).

Ты уходишь со спектакля, если он не нравится? Ты читаешь книгу до конца, если она не захватила в начале?»

Осталось только создать симпатию... Приглушить свет... И напоить... Я почти увидел приоткрывающуюся мне дверь... Долой еще миллион километров между нами...

«Я остаюсь на спектакле и дочитываю книгу. Я упорный... Я довожу до конца все дела и отношения...»

Надо сразу дать понятия, что так просто я не отстану... Или не нужен такой прессинг?.. Или пусть это будет прессинг, но нежный, мягкий... Разве такой бывает?.. Сейчас попробуем изобрести! В этот момент я был готов изобрести все, что угодно, хоть вечный двигатель. И это состояние периодического всемогущества мне нравилось независимо от ответов Вероники и наших с ней реальных и гипотетических отношений.

«Но я понимаю, что «хочу» всегда сильнее, чем «должен»... Что чувства важнее обязательств... Что в отношениях между мужчиной и женщиной для встречи всегда должно быть два «да», а вот для расставания всегда достаточно одного «нет»...

Какой подарок тебе стал самым лучшим в твоей жизни?»

Только отправив это письмо, я вдруг заметил, что мы оба никак не комментируем ответы друг друга. Это было похоже на самое настоящее интервью для самого престижного в мире издания, в котором вдруг захотелось открыться, избежать штампов и самоповторов и в вопросах, и в ответах... Я никогда в жизни не брал интервью... Я никогда в жизни не давал интервью... Этот разговор мне был все интереснее не как этап соблазнения, а сам по себе, без целей явных и скрытых...

«Мне исполнилось 17 лет. Мальчик мне подарил 17 гвоздик. Это было так трогательно и неожиданно... Я их не выбрасывала месяца два...»

У тебя зубы мудрости все выросли?»

Я перечитал вопросы, которые задавала Вероника, в попытках найти в них какую-то внутреннюю взаимосвязь, но ничего не нашел, и немного расстроился. Многие вопросы могут рассказать о человеке больше, чем ответы. Если понимаешь то, почему тебе задается именно этот вопрос, то начинаешь всерьез понимать и спрашивающего тебя человека.

«У меня мудрость появлялась, когда зубы приходилось терять, иногда в драках. Но зато эта мудрость навсегда!»

Прежде, чем я успел закончить свой ответ, я получил от Вероники еще одно письмо с рабочими вопросами, потом почти сразу еще одно с проектом договора... Неужели ей потребовалось это общение только для того, чтобы было проще решать рабочие вопросы? Я почувствовал себя обманутым прежде, чем подумал о том, что, вполне возможно, личное общение просто совпало с деловым... Потом перечитал нашу переписку, как что-то теплое и очень мне необходимое... Потом поблагодарил коротким письмом Веронику за сегодняшний день и выключил компьютер. Во мне явно пробуждалось что-то важное и новое, и я был этому искренне рад...

Утром я писал очередное письмо Веронике с ощущением, что в этот момент я держу ее за руку:

«...Я в последнее время живу с уверенностью, что не вином торгую, а делюсь со всеми людьми своим особым знанием и опытом... Крымские вина – это концентрированное солнце. И характер у этих вин светлый, как характер тех людей, которые их производят. И похмелья от этих вин не бывает, если, конечно, знать меру... Мне иногда кажется, что даже если бы у

меня было пару миллионов долларов, то я все равно продолжал бы здесь работать. Однажды я приехал на работу, а в офисе никого нет... Оказалось, что я приехал в субботу)))

Чем ты занималась бы, если не надо было зарабатывать деньги?»

Сегодня мне уже не надо было придумывать вопросы и ответы, как-то особенно для этого напрягаться, морщить лоб, писать несколько вариантов, чтобы потом выбрать лучший... Слова рождались сами собой, и даже корявые фразы я не редактировал, потому что в эту минуту они казались мне самыми точными, и поэтому именно такими их и должна была увидеть Вероника.

«Занималась бы обязательно. Я очень деятельная и не люблю сидеть на месте. Вот только чем? Дизайном, пожалуй... Я люблю рисовать, даже немного училась этому... Мечтаю взять мольберт и заблудиться с ним в красивом месте... Осталось купить мольберт и стать другой...»

Часто ли ты капризничаешь, когда у тебя что-то болит?»

Почему все красивые женщины хотят заниматься дизайном? Наверное, это их естественная потребность сделать мир вокруг себя таким же красивым, как они сами. Пока не буду писать это Веронике... Мы еще не достаточно близки для иронии... Или уже близки?... Не торопись... Главное, не торопись...

«Я буду терпеть и скрывать боль пока это возможно. И буду огрызаться, если меня вздумают жалеть!»

Для тебя результат важнее процесса?»

Я вдруг заметил, что перестал опасаться задавать Веронике умные вопросы.

«Результат важен, но, если жить только для результата, то самой жизни можно и не увидеть... Точнее, пропустить самое важное в жизни, если заикливаться на результате!»

Что такое счастье?»

Теперь я уже не сомневаюсь в том, что Вероника задает мне вопросы, которые ее действительно волнуют.

«Счастье – это эмоциональный оргазм. От красивого заката, улыбки ребенка, прикосновения любимой женщины, красивого гола родной команды, душевного разговора, законченной большой работы, солнечного луча рано утром в тот день, когда встаешь не по будильнику... Продолжать могу долго... Я знаю, что это такое...»

«Я хочу сделать тебя, Вероника, счастливой!» Мне очень хотелось именно так закончить свой ответ. Но, безусловно, важнее, чтобы Вероника сама услышала эти слова в моей интонации... Она услышала?.. Если уже хочет услышать, то услышала...

«За что тебя чаще всего ругает мама?»

Я написал этот вопрос потому, что вдруг понял что еще почти ничего не знаю про Веронику... Ничего не знаю, но уже хочу сделать ее счастливой, чтобы самому стать еще счастливее...

«Чаще всего ругает за то, что я везде сую свой нос и везде спешу. Мама мне говорит: куда ты так торопишься, как будто тебе восемьдесят лет и ты чего-то не успела? :)»

Тебе нравятся женщины с длинными волосами?»

Женские провокации такие милые... У Вероники короткая стрижка, но совершенно очевидно, что она еще раз хочет почувствовать мое внимание к ее внешности... Почувствовать, но не ради очередного комплимента... Уже все сложнее... Она попытается по моему ответу понять: я уже втюрился в нее окончательно или еще пытаюсь этому сопротивляться?.. Знай, что я еще пытаюсь сопротивляться... Хотя себя зачем я обманываю?!..

«Мне очень нравятся женщины с длинными волосами. И женщины с короткими волосами тоже очень нравятся. Лысые только не нравятся почему-то)))»

Какой самый противозаконный поступок в жизни ты совершила?»

Надо будет задавать побольше вопросов со словом «самый». Когда человек отвечает на такие вопросы, то у него невольно создается иллюзия, что он на самом деле «самый-самый»... По крайней мере, «самый-самый» по мнению того, кто задает такие вопросы...

«Занималась сексом до свадьбы, которой у меня еще и не было»))

«Кто должен доминировать в отношениях – мужчина или женщина?»

Я вдруг почувствовал, что вышел на окололунную орбиту... Если женщина разрешает говорить с собой о сексе, то значит, что ты уже совсем рядом с ней. Только, пожалуйста, не впадай в эйфорию... Пожалуйста!!! Я очень прошу себя об этом!

«Категорически никто не должен доминировать (за исключением сексуальных игр, если кому-то без них не обойтись). Я за эмоциональный коммунизм в отношениях между мужчинами и женщинами: каждый вкладывает все, что имеет, и берет все, что считает нужным взять. Очень уважаю женщин, которые могут первыми позвонить... Первыми поцеловать... Что за предрассудки, что это всегда первым должен сделать мужчина! Женщины больше готовы к эмоциональному лидерству... Но в сложных ситуациях, конечно, мужчина должен успокаивать, поддерживать, брать основную нагрузку на себя...»

Я буду мотивировать Веронику на активность с ее стороны! Это принципиально важно. Красотки привыкли к знакам внимания, их всегда добиваются, а они лишь позволяют за собой ухаживать... Надо предложить ей новый опыт – предложить самой делать шаги навстречу мужчине... Хотя бы несколько шагов при очевидной поддержке... А вдруг она не захочет? Вдруг ей этого не надо? Возможно... Но именно в этом мой шанс! По крайней мере, в начале это ее удивит... Я должен отличаться от других ее многочисленных поклонников. Что я могу предложить ей такого, чего не могут предложить другие мужчины? Я могу предложить ей новый эмоциональный опыт. А если ей этого не нужно?

«Тебе нравится, когда тебе чешут спинку?»

Такой очень личный вопрос всегда хорош как продолжение общих рассуждений. Такой вопрос своей интимностью приземляет рассуждения, дает понять, что эти рассуждения не вообще об отношениях между мужчиной и женщиной, что это мысли обо мне и тебе... Вероника этого не поймет, но обязательно почувствует. Это такая эмоциональная ловушка... Попадешься ли ты в нее? Сейчас я уверен, что с умения ставить такие эмоциональные ловушки начинается мастерство управления чувствами других людей. Скоро я научусь навязывать человеку чувства, оставляя при этом его в неведении по поводу того, что чувства навязаны. Я понимаю, что неведение – это сложно... Весь смысл в неведении! Иначе обман будет раскрыт, и чувства улетучатся. И не надо на меня смотреть, будто я совершаю нечто особенно предосудительное! Мы все живем среди множества навязанных нам чувств! Любовь к Родине? Люблю ли я ее на самом деле, если моя малая Родина – Солнечная система?! Любовь к родителям? Я давно не понимаю этих людей, которых помню только старенькими... На самом деле, во мне нет чувств к ним, кроме благодарности за то, что они перестали обращать на меня внимание в подростковом возрасте. Нам навязывают якобы модные тренды, хотя нормальные люди давно догадались проще одеваться. Нас агитируют за искусство, которое на самом деле всегда было лишь шоу-бизнесом. Я не хочу восставать против навязанных чувств, потому что с ними все понятнее и надежнее. Я сам буду навязывать чувства, с которыми Веронике будет настолько комфортно, что даже возможное случайное прозрение не заставит ее отказаться от этих чувств и от меня.

«Я не люблю чесаться, но балдею, когда меня легонько чешут!!!! Особенно между лопаток! И обожаю, когда меня трогают за шею»))

«Сколько обуви может быть у женщины?»

До виртуального секса остался всего один шаг или это уже и есть виртуальный секс? Только не впадай в эйфорию! Переключись временно на другую тему, будто секс ты не считаешь темой для эмоционального сближения... И вернись к ней вдруг через пару вопросов...

«Обуви может быть столько, сколько женщина хочет и может себе позволить. Я понимаю Кэрри из "Секса в большом городе" и ее маниакальное стремление покупать новую дорогую красивую обувь на каждый день. Такое поведение дает массу поводов иронизировать, но милые слабости только украшают женщину!»

Когда зависает компьютер, ты бьешь его по монитору или системному блоку?»

Я ждал ответ, не думал и просто слушал какую-то внутреннюю музыку... Мне было хорошо...

«Не бью... Просто говорю одно русское емкое слово б... Иногда помогает»))

Хотел бы ты побегать со мной по лужам?»

Мелодия внутри меня становилась все ярче и романтичнее...

«С тобой – ДА»)) Сначала написал, потом подумал... Обычно я делаю наоборот»))

Когда тебе бывает скучно?»

У меня вдруг возникло ощущение, что я не написал, а произнес эти слова... Я даже, кажется, услышал их интонацию: чуть обеспокоенную, но с очевидной нотой уверенности, что все можно поправить...

«Практически никогда мне не скучно... Но бывает время, когда мне то скучно, то весело по очереди... Неустойчивое эмоциональное состояние... И это не зависит от месячных, тогда бы все было намного проще...»

Когда и как ты понимаешь, что человек тебе становится близким?»

Я встал из-за стола так резко, что уронил кресло... Она меня считает своей подружкой... Она никогда не стала бы упоминать про месячные, если бы считала меня мужчиной, которому она хотела бы понравиться... Не надо иллюзий: наша переписка нужна ей только потому, что ей не хватает общения! Просто ей не с кем поболтать... Сейчас она начнет обсуждать со мной своих парней... Соглашаться на это? Или прямо сейчас прекратить эту девчоночью болтовню? Или просто не заметить эти слова про месячные?

«Ты задала самый сложный вопрос... Человек становится близким не сразу... Всегда после того, как начинаешь жить вместе... Когда и у мужчины, и у женщины появляется то, чем они вместе начинают всерьез дорожить...»

Почему женщины говорят, что самое важное – это эмоциональная гармония, а сами сбегают к смазливym парням с накаченным трицепсом?»

Может, стать «подружкой» – это, на самом деле, просто естественный для женщины этап сближения. Близкий мужчина – это всегда и подружка тоже. Важно не оставаться долго на этом уровне слишком долго. До конца сегодняшнего дня, не дольше...

«Женщина уходит, потому что меняется ее динамический стереотип. На то он и динамический: сегодня важно одно, завтра другое...»

Ты любишь больше рыбу или мясо?»

Вопрос мне очень не понравился... Я почувствовал себя сброшенным с Луны обратно на Землю... Мы вернулись к началу нашего общения, к вопросу о кофе и молоке... Орбита замкнулась... Веронике больше ничего не хочется у меня спрашивать... Я ей перестал быть интересным... Или никогда и не был интересным... Я ее не зацепил... Или это просто дежурный вопрос, потому что ее отвлекли?... Сейчас мне надо ответить так, чтобы у Вероники было как можно больше зацепок для продолжения разговора

«Я люблю в Греции – мясо. В Норвегии – рыбу. В Каннах обедался гребешками. Дома люблю то, что приготовила женщина.»

Я подсказал Веронике, что она может спросить о моих путешествиях, о женщинах, которые готовят для меня, или просто попросить рецепт свиных ребрышек... И вопрос нужно задать отчаянный, будто у тебя осталась возможность только вот на этот самый последний вопрос о самом важном...

«Имеет ли смысл бороться за свою любовь? Или, если что-то не складывается, стоит понять, что вы просто не созданы друг для друга?»

Стоит ли мне думать о тебе, Вероника? Приглашать ли тебя на свидание? Играть ли мысленно с нашими детьми? Вопросы в письме о нас... Поняла ли ты это?..

«Имеет смысл – однозначно! Не знаю, кто и как определяет созданность друг для друга... Если внутри, как еще не родившийся ребенок, уже живет чувство, то нельзя этим разбрасываться и спешить на аборт... Если люди тянутся друг к другу – значит, надо пробовать!»

Как уменьшительно-ласкательно тебя обычно называют?»

Неужели она уже хочет назвать меня «симпампулькой» или еще как-нибудь по-дурачки?.. Или это тест на эмоциональную мужественность?.. Когда не знаешь правильного ответа, остается просто быть самим собой:

«Не люблю сюсюканья. Почти не помню ничего из того, что мне не нравится. Но ведь как-то называют меня женщины во время своих приступов нежности?.. Но я не запоминаю. Ощущения в те мгновения важнее деталей...»

Ты любишь свой день рождения?»

Я уверен, что знаю ответ на этот вопрос... Вероника, конечно, не заиклена на своей внешней привлекательности, но все-таки ценит ее в себе больше всего... Такие женщины не должны любить свой день рождения, как напоминание о неизбежности увядания... Хорошо ли я уже тебя знаю, Вероника?!

«Терпеть не могу свой день рождения(((Я очень болезненно переношу и сам день, и неделю до него. А в сам день рождения, когда я разговариваю с мамой, начинаю плакать... В общем, плачу обязательно(((

Сегодня мне сказали, что секс – лучший повод для знакомства. Я не знала, что ответить... Соглашаться – это слишком легкомысленно... Спорить – слишком по-ханжески... Что ты обо всем этом думаешь?»

Я тебя не знаю, Вероника! Не ожидал такого откровенного вопроса... Возможно ли тебя вообще узнать?

«Секс – это часть знакомства. Но не повод. Секса вокруг нас рассыпано гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Желание или нежелание прикоснуться к тому, с кем разговариваешь впервые в жизни – это тоже секс или его отсутствие... На первом свидании секс или его отторжение возникают всегда, даже если люди не оказываются в постели. Если после первого свидания хочется целоваться – это уже секс... Если не хочется – лучше больше не встречаться. Секс как сплетение тел всегда очень много рассказывает о человеке... Хочет ли он отдавать и отдаваться? Позволяет себя любить или любит сам? Есть ли в натуре человека нежность, открытость, энергетика... И то, что можно спрятать в разговоре, в сексе становится очевидным. В сексе очень сложно покривить душой...»

Я хотел бы и мог еще много написать о сексе потому, что я знаю, что мысли о сексе заразны...

«Почему люди измеряют съеденные и потраченные калории, но даже не задумываются всерьез об единице измерения эмоций и чувств?»

Уже темнело... Рабочий день давно закончился... Мы просто разговаривали... Не болтали, а именно разговаривали о чем-то важном... То, о чем говорили, то и становилось важным...

«Потому, что съеденные калории отражаются на фигуре и их очень сложно спрятать от окружающих. А эмоции и чувства можно удачно скрывать под той или иной маской.»

Чем больше вопросов я тебе задаю, тем больше их возникает. У меня так впервые в жизни. А у тебя? Жду тебя завтра...»

«Вместе делать что-то впервые в жизни – это действительно сближает», – подумал я и решил не писать этого Веронике...

Следующее утро на работе я начал с того, что отправил Веронике sms-ку с «Добрый утром!» Я, безусловно, удивил этим Веронику, что в начале общения еще важнее, чем рас-смешить. Наш вчерашний почти интимный разговор давал мне право на этот еще один шаг к сближению: на эти простые два слова на ее личный телефон. Ответ я получил по электронной почте очень быстро:

«Привет! И тебя с добрым утром! Но для меня оно не очень доброе... Шеф наехал на меня. Даже голос повысил(((«

Вероника просит меня о помощи! Разве в моей жизни были ситуации важнее, чем эта?.. Я очень хочу помочь тебе, Вероника! Не ради твоей благодарности... Просто для того, чтобы тебе стало легче...

«Моя прежняя работа была хорошей школой сохранения светлой головы в тех ситуациях, когда на тебя набрасываются. В какой-то момент я научился чувствовать себя в такие моменты отстраненно, будто я – это зритель, который случайно оказался на сцене во время исполнения какой-нибудь фарс-трагедии. Попробуй в такие моменты смотреть на себя и на всех со стороны... Это отвлекает и помогает... У тебя получится!»

Поможет ли ей мой совет? А если не поможет? Или она его не поймет? Или она даже не захочет им воспользоваться? Ответ пришел быстрее, чем закончилась череда моих вопросов:

«А еще у меня сегодня болит голова((((«

В глубине души я был почти рад невзгодам, обрушившимся сегодня на Веронику: лучшего шанса проявить себя трудно даже представить.

«Если бы я был рядом с тобой, то положил бы пальцы на виски и слегка помассировал... Потом положил бы обе руки на голову и чуть подвигал кожу на голове, очень осторожно, не дергая волосы... Потом погладил бы твою голову теплом своих ладоней... Прикоснулся бы к шее... Целоваться бы не стал, мы еще не настолько близки... И тебе обязательно стало бы чуть легче...»

Я, конечно, мог бы посоветовать таблетку саридона, и это было бы эффективнее, но как-то незротично... Написать про саридон или нет?

«Смог бы ты заснуть, если женщина рядом с тобой плачет?»

Мы снова вернулись в формат интервью или это очередное реальное несчастье?

«Конечно, не смог бы!!! Со слезами женщины уходит ее любовь... Даже если она расплакалась из-за сопливой мелодрамы или потому, что вдруг захотелось просто поплакать, все остальное должно перестать существовать пока слезы не высохнут, и появится проблеск улыбки)))»

Очень хотелось броситься выпрашивать подробности... Тогда будет понятно есть ли у нее парень и насколько они близки... Не спеши! Будь деликатным... Она уже разрешила прикоснуться к себе – к своим тревогам и заботам... Ты же не начинаешь срывать платье с женщины, которая разрешила всего лишь подержать ее шляпку?

«Знаешь, ты очень здорово написал о том, что со слезами женщины уходит любовь к мужчине... Очень тронуло меня...»

Впервые Вероника прокомментировала то, что я ей писал... Это как шаг на встречу...

Потом писем не было больше часа... Я не писал сам и даже не торопил время. Я знал, что Вероника напишет, когда будет готова к общению со мной на каком-то новом для себя и для нас уровне...

«Скажи, что все будет хорошо...»

Сегодня у Веронике действительно все очень плохо... Вот только в чем и как ей помочь?

«Для тебя хорошо – это плохо... У тебя все будет ИЗУМИТЕЛЬНО))))»

Мне впервые мучительно не хватало слов...

«Спасибо... У меня такое ощущение, что я неправильно живу как-то. Странное незнакомое ощущение...»

Слов становилось еще меньше:

«Это нормально... Через это ощущение проходишь всегда перед тем, как что-то изменить в себе или вокруг себя. Это просто свидетельствует о том, что ты меняющаяся, развивающаяся... Ты – сильная, ты – справишься!»

Я не считал ее сильной. Она слабая беззащитная девчонка, и мне очень хотелось, чтобы во мне она сейчас увидела мужчину, который в состоянии ее защитить от всех и даже от нее самой...

«Ты действительно считаешь меня сильной?»

Пожалуйста, почувствуй свою силу и потом пойми, что на самом деле это я поделился этой силой с тобой...

«В каждом человеке есть сила и есть слабость. Ты много умеешь, ты – Личность! Я уже знаю это. Но это вовсе не означает, что тебе не бывает совсем-совсем одиноко, что ты не должна плакать, что ты не должна буйнить, чтобы выбросить накопившийся негатив... Это нормально. Все равно ты Сильная. Огромное количество женщин только и умеют, что плакать и буйнить... Ты мне такой ЖИВОЙ особенно нравишься...»

Признание вырвалось неожиданно, но, наверное, вовремя... Игра заканчивалась... Оставалась жизнь, в которой начинали править совсем другие правила...

«А я себе сегодня особенно не нравлюсь... Хочется плакать...»

Я впервые не знал, что ответить...

«Когда хочется плакать – надо плакать».

Я отключил мозг... Точнее, он сам отключился от сбивчивых эмоций как от легкого прикосновения выключается свет на кухне... Сейчас решение надо было принимать не на основе информации и анализа мыслей... Сейчас решение надо было принимать на основе эмоций, а тут мозг – слабый помощник... Его надо заглушить, как двигатель надолго остановившейся машины... Это было каким-то новым для меня состоянием, и я прислушивался к нему... Я будто вышел в открытый космос: потерял опору под ногами, отвлекся на безумную красоту бесконечности, чувствовал себя всемогущим даже в тонкой оболочке, которая отделяла меня от губительного вакуума и космических лучей... Я мысленно поблагодарил Веронику за это новое для меня состояние, и, чем больше я думал про нее, тем четче понимал, что любое мое решение будет правильным... Это мозг может ошибаться в своих решениях, не учитывая какую-то информацию или делая неправильные выводы. А решения, принимаемые сердцем, всегда единственно верные... Почему говорят, что такие решения принимаются сердцем?.. Нет, не сердцем... У меня было совершенно четкое ощущение, что решение я принимал всем собой: сердцем, мозгом, руками и ногами, членом и поджелудочной железой...

«Я сейчас должен забрать тебя с работы! Буду возле твоего офиса через час!»

Мне было все равно, что ответит Вероника... На мою уверенность в правильности своего решения ее ответ не мог повлиять. Я точно знал, что ее отказ меня не обидит. Я не знал, что буду делать с ее согласием, куда ее повезу, какие слова скажу, и как себя поведу, если вдруг она расплачется у меня на плече... Я был уверен, что в этот момент не мог поступить по-другому, и эта фаталистичность моего поступка успокаивала и придавала сил...

«Спасибо... Я подумаю...»

Это отказ или Вероника действительно сейчас думает? Весь мой предыдущий опыт подсказывал, что женщины принимают решения сразу, и фразы типа «я подумаю» – это по-восточному изощренно-вежливая возможность послать тебя подальше, совмещенная с неуклюжей попыткой сохранить тебе лицо. Мой организм по привычке стал готовиться к худшему, но чувства глубокого поражения не возникало... Внутри было пусто, но не противно... Я сделал

все, что мог, и пусть будет то, что будет... Сейчас я просто не могу играть лучше, и потому мне не в чем себя упрекнуть... Я сел в кресло и блаженно расслабился, как после тяжелого пятисетового теннисного матча с сильным спарринг-партнером.

«Приезжай к четверем...»

Я не почувствовал, что победил... Радости по поводу того, что всего несколько дней переписки так сблизили меня с Вероникой, тоже не возникло. Тревоги по поводу того, что при встрече я не смогу найти нужных слов, не появилось. И вообще все эти радости и тревоги казались мелкими по сравнению с неведомым ощущением полноты жизни, наполнявшим меня все последние дни, и это «приезжай» стало той последней каплей, которая позволила этому ощущению полностью влиться в меня и заполнить до краев...

Вероника уже ждала меня на улице, быстро подошла к машине, не без любопытства посмотрела на мою спортивную «Мазду», плюхнулась в сиденье и улыбнулась:

– Сбежать с работы иногда бывает так приятно!

Она не была заплаканной, и даже расстроенной не выглядела.

– Угощайся! – я положил на колени Вероники большую упаковку крупной греческой клубники. – Не волнуйся – я не забыл ее помыть...

Вероника ела клубнику, по-детски не смакуя, заглывая всю ягоду целиком, иногда прикрывая глаза от удовольствия, и капельки клубничного сока изредка появлялись на уголках губ:

– Откуда ты знаешь, что я больше всего на свете люблю именно клубнику?

– Я учусь читать твои мысли...

Мы уже выехали за город, когда Вероника закрутила головой:

– Куда ты меня везешь?

– Для тебя это действительно имеет хоть какое-то значение?

– Нет, мне действительно сейчас все равно...

Грусть впервые послышалась в ее голосе...

– Обрати внимание, какое большое внимание мы все постоянно уделяем тому, что нас на самом деле по-настоящему не волнует...

– Ты опять прав, – Вероника уходила в себя резко, будто тонула без желания спастись.

Я не знал, что говорить дальше... Только не надо сейчас ничего выдумывать...

– Когда от меня впервые ушла красивая женщина, я взял больничный на три дня. Когда я сам впервые уходил от красивой женщины, то больничный пришлось брать на неделю... Уходить самому оказалось сложнее...

– Ты сказал так, будто уже все про меня знаешь... Думаешь, надо уходить?..

Когда ты искренен, ты ничем не рискуешь... Неужели это действительно так?

– Что случилось, Вик?..

– Запомни: меня зовут Вероника. Вика и Ника – это совсем другие имена. Ко мне их прошу не применять. Это также опасно, как Путина назвать Медведевым! – она сорвалась как камень с края пропасти...

Минуту мы ехали молча...

– Прости, – почти прошептала Вероника. – Я уже который день не в себе... Набрасываюсь не по делу... Ты мог бы простить себе бесчестный поступок?

– Себе я могу простить все, – искренне ответил я.

– А я вот пытаюсь, но у меня пока не получается... Недавно я не сдержалась и взяла ЕГО мобильник, пока он был в ванне. И прочитала его смс-ки с любовными признаниями не мне... И все сложилось в понятную картину... И дорогие духи на заднем сиденье его машины не для меня... И его командировки в выходные дни... И звонки, на которые он не хотел отвечать при мне... Все получило свое объяснение. Пазл сложился...

– Ты дала ему по башке?

– Я не смогла ему сказать, что залезла в его телефон. Это же непорядочно... Я просто легла к нему спиной и заплакала... А он ничего не понимает... Спрашивает: «Ты плачешь или носом хлюпаешь?» «Носом хлюпаю», – отвечаю я ему, а сама плачу все сильнее. «Я пойду форточку закрою» – сказал он, потом лег рядом и уснул... Представляешь?

Я, конечно, и представить себе не мог, как вообще можно заснуть в постели с такой женщиной.

Мы шли по дорожке вдоль Финского залива, чуть касаясь плечами...

– Я не могу больше с ним жить... И сказать, что залезла в телефон, тоже не могу... И зачем ему нужна другая женщина, если у него была я?

Мне очень захотелось, чтобы Вероника заплакала, чтобы приобнять ее и таким образом стать чуть ближе, но она держалась на грани срыва, лишь низко опустила голову, словно высматривала что-то под ногами.

– Только не жди, когда он бросит тебя. Побереги свою самооценку. Найди повод и брось сама! Женщинам найти повод несложно – ты сама отлично знаешь...

– Пожалуй, ты прав...

Мы еще долго гуляли по заливу, потом сидели в ресторанчике... Когда мы прощались возле ее дома, я с трудом удержался, чтобы не потянуться к ее щеке... Или к шее...

В следующий раз мы встретились не сразу, дней через десять... Писали друг другу мало, но каждое письмо было с прошлым и с будущим... У нас уже были воспоминания и эмоциональный опыт, который нужно было еще осмыслить... И мы знали, что еще обязательно встретимся, и каждое письмо – подготовка к этой будущей встрече...

«Мысль материальна?»

Теперь это были только вопросы Вероники. Больше я вопросов не задавал... Сначала не задавал потому, что во мне остались только те вопросы к Веронике, которые не задают в письмах и на которые она сама пока не знает ответа... Потом мне понравилось быть для Вероники человеком, которому она хочет задавать вопросы... Возможно, она подумает, что я знаю все ответы...

«Нет. Это просто мысль. Людьми управляют эмоции даже тогда, когда им кажется, что они принимают осмысленные решения...»

Полоса вопросов интересных, но чуть отстраненных, вдруг прерывалась вопросом очень личным, даже с нотой надрыва...

«Почему я все время должна быть сильной?...»

Почти сразу я честно признался себе, что не ишу ответы на вопросы Вероники, а пытаюсь нарисовать в ее сознания свой портрет... Иногда я действительно чувствовал себя художником, который рисует свой портрет в сознании вот этого конкретного человека... Вот в этих словах Вероника увидит мой ум... Вот эти несколько слов-мазков подчеркнут мою мужественность... А вот на фоне своего полотна я набросаю силуэты других женщин, чтобы она понимала, что я опытный и состоявшийся... Я стал рисовать сознательно, и это помогало подбирать краски, беречь красный вызывающий цвет, искать полутона, не выпячивать детали, а делать так, чтобы Вероника захотела всматриваться в подробности, чтобы захотела разглядывать мое полотно долго и тщательно, чтобы не отходила от него часами, днями... Чтобы никогда не отходила...

«Думаю, это твоя сегодняшняя жизнь требует от тебя показывать свою силу... Изменится твоя жизнь – поменяются твои чувства, которые востребованы жизнью – изменишься ты... Посторонним людям ты, конечно, должна показать силу. Близкий человек на то и близкий, чтобы в отношениях с ним не было игры, провокаций, двусмысленности... С ним можно и надо быть такой, какой хочешь – сильной, слабой, обиженной... Не таить в себе эмоцию. Выплеснуть ее, вместе разобраться, быть естественной и искренней... Он поймет, успокоит,

у него хватит силы признать ошибку или убедить тебя в том, что проблемы не существует, или что она только в твоей голове... Но в любом случае он сделает все, чтобы не возникло обиды. Если любишь и любим, то для мужчины это не сложно...»

Иногда Вероника вдруг переключалась на меня, и тогда я отчетливо понимал, что в моих ответах она пытается увидеть меня, узнать меня лучше, подготовить себя, возможно, к следующему шагу...

«Ты говорил, что твой больничный после расставания с красивой женщиной длился три дня... А сколько же длился твой больничный после расставания со своей первой некрасивой женщиной?»

Вероника всматривается в мой автопортрет... После таких вопросов я буквально видел ее перед своей картиной...

«Я жил только с красивыми или очень красивыми женщинами))».

Примерно через неделю в переписку ворвалось ее нетерпение...

«Чем инициативность отличается от навязчивости?»

Я понимал, что ее вопрос – обо мне...

«Каждый случай индивидуален... Иногда мое нежелание навязываться женщины называют безынициативностью...»

Я знал, что сейчас я пойму насколько из меня получился хороший художник...

«Когда ты меня пригласишь на свидание?»

Она наконец-то сделала именно то, чего я хотел от нее! Я выключил компьютер и набрал номер телефона Вероники... Виртуальное общение важно вовремя закончить. Буквы на экране монитора – это очень тонкая нить, которая, на самом деле, начинает рваться с момента своего возникновения. Важно самому разорвать эту нить раньше, чем кончатся буквы, или они станут заменой того, ради чего, собственно, это виртуальное общение и возникло.

Голос Вероники в трубке был чуть удивленный, но приветливый. Следующий вечер мы договорились провести в китайском ресторанчике.

Я впервые в жизни готовлюсь к встрече с женщиной... Я не просто пошел к парикмахеру, а впервые занудно долго обсуждал с ней будущую прическу, пытался представить себя с косыми бакенбардами и челкой направо... Напрасно пытался, потому что мой внешний вид меня расстроил, причем, впервые в жизни.

Я попытался побриться настолько тщательно, что тер кожу электробритвой до покраснения, которое не проходило несколько часов, я мазал свой подбородок разными лосьонами, а краснота от этого становилась все гуще, и я уже всерьез подумывал о том, чтобы отменить встречу. Но постепенно кожа стала бледнеть и по моим расчетам, если тенденция сохранится, должна была вернуться в свое естественное состояние минут за пятнадцать до встречи.

Самым противным было придумывать шутки будущего разговора. Может, сказать официантке, что, если еда будет невкусной, то я заколю повара палочками... Плохая шутка, террористическая... Официантка может шутку не понять и вызвать охрану... Я не придумывал фразы будущего разговора никогда, но, возможно, только потому, что у меня еще не было встречи такой особой важности. Нужно представить себя гурманом и сказать, что я лучше немного поголодаю, чем буду есть что-то невкусное... Нужно рассказать о том, как повара лучших французских ресторанов ходят утром на рынок выбирать продукты... Половина их гастрономических удач – это просто высокое качество исходных продуктов. Вторая половина – пряности. Третья половина – их чутье того, когда надо вынимать блюдо из плиты. Так надо про третью половину и сказать... Но будет ли Веронике интересны кулинарные рассказы того, кто может приготовить только растворимый кофе в утренней несознанке?

За час до встречи пришла sms-ка, в которой Вероника написала, что встретиться не может... И ничего объяснить сейчас не может... Что вечером перезвонит... Она так и не позвонила.

Я подумал о том, что игра в какой-то момент всегда превращается в войну.

Я пообещал себе забыть Веронику и не выполнил своего обещания.

– Что тебя так сильно расстраивает? – Ириска кормила меня взбитыми сливками с ложечки, как маленького ребенка.

Я подумал, что детектор лжи – это детская игрушка по сравнению с женской интуицией, и это меня тоже расстроило. Меня расстраивало все на свете, и, если бы сегодня играл и выиграл бы «Зенит», то даже это меня наверняка почему-то расстроило бы.

– Как тебя поддержать? – Ириска словно услышала то, что я только что подумал.

– Слова внутри тебя должны сами родиться... Если не рождаются, то я не твой парень...

– Я буду молчать вовремя! Смолчать в нужный момент – это иногда важнее, чем миллион сказанных в пустоту слов.

«У меня ощущение, что я неправильно живу...»

В этом ее письме не было приветствия, извинений и объяснений... Но сложно было придумать фразу, которая заставила бы меня сразу погрузиться в ее мир... Мы переписывались весь день, пока не перешли ближе к вечеру на беззаботную болтовню. Вероника на прощание пообещала принести старинную книгу о вине из дедушкиной библиотеки, и я подумал, что она сочинила такой повод встретиться. Через день я напомнил ей про книгу, и Вероника долго благодарила меня за напоминание, а то она совсем замоталась в последние дни... Я не огорчился несложившемуся свиданию... Все было гораздо темнее... Я сначала почувствовал, что меня обманули, потом понял, что самообманулся, и от этого стало еще мрачнее в промозглой внутренней темноте.

Может, наговорить ей гадостей?! Нет, у меня не получится... Я ощущал в себе способность сказать что угодно кому угодно, кроме гадостей маме и Веронике. Я вдруг очень захотел, чтобы Вероника сама бросила меня... Я даже почти радовался весь следующий день, когда от нее не было писем, ни sms-ок, ни звонка... Еще день или два, и она забудет про меня, а потом, возможно, я тоже забуду ее...

«Я думаю о тебе...»

Женщины обладают удивительной способностью несколькими словами менять представление о себе и действительности.

«Могу забрать тебя с работы».

Я был уверен, что сегодня же вечером я увижу ее...

«Хорошо))) На неделе...»

На всю неделю я отменил все вечерние дела, встречи и игру в теннис... Каждое утро я смотрел телепрограмму и программировал запись на диск футбольных матчей и Формулу-1 на тот случай, если вдруг позвонит Вероника и я вечером не смогу посмотреть трансляцию.

Прошла неделя... О встрече Вероника больше не вспоминала.

Мы пили вино из одного бокала, но вдруг Ириска, сделав большой глоток, потянулась к моим губам и в глубоком поцелуе влила в меня пьянящую влагу.

– Почему ты никогда не предлагал мне заняться анальным сексом?

– Даже как-то в голову эта мысль не приходила.

– Эта мысль не в голову приходит.

– Просто не хотелось... Мне с тобой и без анального секса хорошо.

– Значит, я тебя удовлетворяю как женщина даже без анального секса? – озадаченно спросила она.

– Это вопрос или утверждение?

– А ты как считаешь?

Я всегда удивлялся способности Ириски делать что-то впервые с уверенностью, будто она это делает в очередной раз. Она не боится делать новый шаг также, как и я не боюсь новых шагов, но я почему-то все чаще забываю о своей небоязни. Я люблю неприятности, но не помню об этом. Все жизненные задачи на самом деле почти не отличаются от задачек в школьном учебнике, и существуют только для того, чтобы их решали. Возможность неправильного ответа никогда не останавливала меня раньше. Почему теперь, когда я стал умнее и опытнее, риск неудачи как кандалы, которые я каждый день сам же и надеваю на себя? Как же глупо бояться неудачи человеку, который сейчас подлетает к Питеру и падает в небо с десятикилометровой высоты?..

Я приземлился с ощущением, что поднялся на другой уровень в своей так еще и не понятой полностью игре... Здесь уже другие правила... Здесь нет призов и не существует неудач... Здесь нет кандалов и абсолютной свободы тоже, наверное, нет, но я этого не знаю, потому что свободы так много, что она уходит за горизонт.

В понедельник я не стал напоминать Веронике о так и несостоявшихся встречах и послал ей на работу цветы: небольшие розы в горшке.

– Чудесные розы...

Ее голос в телефонной трубке гладил мое ухо.

– Я просто хотел, чтобы ты улыбнулась...

– Я уже час улыбаюсь... Даже тем, кто этого не заслуживает...

– Срезанные цветы через неделю повянут. Не понимаю, почему людям нравится дарить и получать срезанные цветы – ведь это символ смерти. Я умею дарить только живые цветы...

В этот момент забыть про все ранее подаренные мною букеты было естественно, но все равно непростительно.

– Я буду о них заботиться! Я умею, когда захочу...

Ночью Вероника мне приснилась. Мы бесконечно шли куда-то, взявшись за руки... Этот сон стал мне подсказкой: сразу утром я послал ей стихи своего друга Андрея. Точнее, это была песня, записанная когда-то на домашний магнитофон. Я разыскал старенькую кассету, долго разбирал отдельные слова в шелесте магнитной ленты и звуковой пыли... Раньше эта песня казалась мне романтической белибердой, а теперь я был уверен, что она про меня и Веронику...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.